Борис ВОЛОК родился в 1943 году в г. Намангане (Узбекистан). В 1944 году семья возвратилась в г. Житомир (Украина) после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Окончил Московский энергетический институт в 1966 году. Служил в армии, работал программистом. В 1979 г., получив первый «отказ» на выезд из СССР, был уволен.

Единственное место, куда смог устроиться, Московское пуско-наладочное управление «Энергомонтаж» – работал в г. Жаслык (Узбекистан) на газо-насосной станции газопровода Бухара-Москва. В 1983 году переехал с семьей в г. Хмельницкий (УССР), работал в Технологическом Институте бытового обслуживания. В том же году уволен по требованию КГБ. Переехал в Днепропетровск, работал программистом в проектном институте «Металлургавтоматика».

В 1983 году эмигрировал с семьей в США. За первые 10 лет в США, работая программистом, сменил 10 городов и 16 работ: Нью-Йорк, Атланта, Чикаго и Сан-Франциско, Денвер и Калорадо-Спрингс, Канзас и Кливленд… В настоящее время живет с семьей под Лос-Анджелесом.

Публикуется впервые.

ПРОРОЧЕСТВО БЛОКА

Из самолёта мама вышла в чёрном платке. На щеках были видны следы недавних слёз. Такой я её ещё никогда не видел. Я бросился к ней.

Мама заплакала.

Впервые в жизни я не знал, что ей сказать. Наконец, я косноязычно начал:

– Мамочка! Я понимаю: умерла наша Мая. Но жизнь продолжается, … надо жить дальше, … и я тебя … поздравляю с днём рождения.

Мама заплакала ещё сильнее.

Я прилетел в Нью-Йорк из Рима на пару часов раньше, чем мои родители из Вены. Где-то здесь, рядом, в этом огромном незнакомом городе, совсем недавно умерла моя сестра – Мая, которую мы не видели двенадцать лет.

Мы вышли из здания аэропорта.

Было душно.

Началась эмиграция.

***

НАЯНА – организация, ведающая приёмом эмигрантов, – поселила нас в отеле «Сент Джонс», прямо напротив двух небоскрёбов Всемирного Торгового Центра, разрушенных позднее террористами.

На следующий день нас нашёл Ганс – Маин муж, выходец из Германии. Мая вышла за него замуж год назад, так что мы никогда не видели его до этого. Муж Маи – первый представитель другой цивилизации, с которым мы могли непринужденно сесть за стол и поговорить на любые темы, – несомненно, представлял для нас огромный интерес. Но, увы, при взгляде на этого скользкого, плюгавенького человечка с лживыми, бегающими глазками, который был старше Маи на тридцать лет, у всех возникал только один-единственный вопрос:

– До какой же степени одиночества и отчаяния в чужой стране нужно было дойти, чтобы выйти замуж за это?

У него был хороший английский, только лёгкий акцент выдавал в нём немца. Но чтобы скрыть свои мысли, он часто переходил на англо-немецко-еврейскую скороговорочку, понять которую было очень трудно.

Мама, которая слыла лучшей кулинаркой Житомира, быстро сообразила из ничего вкусный обед. После обильной еды Ганс закурил сигару и разомлел:

– Мне нужен хороший курорт. Я так намучился с вашей Маей.

Мы вежливо ему поддакивали.

–Вечером она мне говорит: «Ганс, мне так плохо… Останься со мной в госпитале».

– Я ей ответил: «Мая, здесь нет лишней кровати», – и ушёл домой спать. А ночью она умерла. Нет, мне обязательно нужен хороший курорт.

Мама упала в обморок.

***

Ганс похоронил Маю далеко за городом, где земля была намного дешевле. У нас не было ни машины, ни водительских прав, ни практики вождения по американским скоростным дорогам, чтобы отправиться туда.

Мы попросили Ганса, чтобы он отвёз нас, но что-то ему всегда мешало. Нет, конечно, он всей душой был бы рад нам помочь, но то родня звала его на ланч, то синагога устраивала бесплатный обед, то, вообще, он так устал, что ему был «нужен хороший курорт».

И только после месяца постоянных просьб мамы он, нехотя, согласился.

Всю дорогу туда и обратно он слёзно изливал нам своё горе:

– В Нью-Йорке так дорого содержать машину: парковка стоит 15 долларов, гараж – 50!

– Эти бандиты опять подняли цены на бензин!
– Один букет Мае стоит 6 долларов!

***

После пребывания в отеле нам предстояло найти себе квартиру. В последнем письме Мая писала, что она переехала к Гансу и свою квартиру отдаёт нам. Я сказал ему об этом и спросил, когда мы сможем туда перебраться. По его напряженным глазкам было видно, что он давно ужеждал этого вопроса:

– Когда ты получил это письмо? – осторожно поинтересовался он.

– В августе, – ответил я, не понимая, какое это имеет значение.

– А вот и неправда! Ты лжешь!! В августе Мая была уже без сознания!!! – с торжествующей ухмылочкой выстрелил Ганс своей скороговорочкой. При этом его крысиная мордочка стала ещё острее.

От встреч с Гансом оставалось ощущение, как будто рядом с вами внезапно взорвалась большая цистерна с нечистотами. Весь облитый фекалиями, контуженный, растерянный, вы долго пытаетесь сообразить, что с вами произошло. Затем вы бросаетесь домой, дома – в ванную, а там – на весь день отключили воду…

Так было и на этот раз. Только через пару дней я сообразил, что Мая написала своё последнее, предсмертное письмо в июле, но в СССР оно шло более месяца…

Хватка у Ганса была мёртвой – уютную Маину квартирку в Верхнем Манхеттене, с видом на Гудзон, рядом с парком и замком, перевезённым из Европы, которые Рокфеллер безвозмездно подарил городу, мы потеряли.

По крупицам мы собирали разрозненные сведения о Мае среди её соседей, знакомых, друзей. Чем больше мы узнавали, тем более жуткой вставала картина последнего года её жизни.

Иногда, идя с работы поздно вечером, Мая покупала продукты в мелких лавочках около дома, где они стоили на пару центов дороже, чем в далёких супермаркетах. Как истинный немец, Ганс первым делом смотрел на чек. Если тот был из местной лавочки – у Ганса начиналась хорошо отрепетированная истерика: он выскакивал в коридор, куда выходили двери всех квартир этого этажа, и начинал пронзительно визжать, что Мая его ограбила. Только дождавшись, пока все двери откроются, и все соседи вновь убедятся, какое ничтожество его жена, он удовлетворённо заходил домой.

При этом Мая зарабатывала в два раза больше него.

***

И всё же мы продолжали ходить к Гансу.

Если быть более точным, – мы продолжали навещать последнюю Маи-

ну земную обитель, где на стенах висели её фотографии, на полках стояли её книги, на кухне лежала записка Гансу, как разогреть ужин, которую она оставила перед отправкой в госпиталь.

Но однажды, зайдя к нему в ванную, я увидел вместо двух зубных щеток – одну.

Я понял – с Маей покончено навсегда.

***

Нас приютила Дина Янов – бойкая старушка, которая прожила в Америке более семидесяти лет. В четырнадцать лет она по благословлению её отца – главного Раввина Минска – одна поехала за океан в поисках счастья. Жизнь её удалась: она вышла замуж за хорошего человека, родила сына, который стал крупным адвокатом. Предметом её особой гордости была большая фотография сына с президентом Джоном Кеннеди.

Америку она боготворила.

Теперь Дина жила одна. Годы брали своё: русский язык активно покидал её абсолютно белую голову. Из всех глаголов, по иронии судьбы, там остался только один – «забывается».

– Утопление забывается за 100 долларов, – горестно вздыхала она на вздорожание цен за коммунальные услуги.

– Твой брат забывается за вас за телефон, – радостно сверкая очками, встретила она меня, когда я вернулся из города после очередного дня безрезультатных поисков работы, и ушла на кухню помогать маме готовить еду.

Через час в чёрном лимузине со своим шофёром подъехал мой двоюродный брат Ларри, которого мы никогда в жизни не видели, но много о нём слышали. Мальчик рос очень смышлёным: в старших классах он изобрёл... дифференциальное исчисление! Закончив Гарвард и став отличным доктором, Ларри открыл свою клинику, для которой одним из первых в Америке приобрёл компьютер. Ему пришлось окончить курсы программирования. Параллельно он работал ещё в трёх госпиталях и вёл на телевидении программу «Здоровье». На сон оставалось не более четырёх часов в сутки – он делал деньги!

Ларри был ярким образцом сбывшейся американской мечты! Одет он был с иголочки. Чёрные, как смоль, волосы были аккуратно прилизаны. Выглядел он моложаво, но его возраст выдавали начавшие красиво седеть виски да узкая полоска белых усиков над вечно, по-американски, улыбающимися губами.

Дина – та просто сияла от счастья! Ещё бы: не каждый день порог её скромной квартирки переступал сам Ларри Тилис – мультимиллионер, председатель совета директоров крупнейшей телекомпании, владелец десятков доходных многоквартирных домов в лучших районах Нью-Йорка! К тому же он оказался близким родственником её нищих, безработных постояльцев!

– А! Как Америка забывается за вас! – с гордостью за свою страну восклицала она маме на кухне, считая все наши проблемы эмиграции уже решёнными.

Ларри был предельно демократичен – ни жестом, ни взглядом, ни словом он не давал никому понять, какая между нами была разница. За обедом он много шутил, рассказывал о своей жизни, делился своими творческими планами: ему хотелось одному совершить на своей большой яхте «кругосветку», а затем написать об этом книгу.

Было ясно, что Ларри всегда являлся центром любой компании, и иного места для себя он просто не представлял! В его присутствии каждый чувствовал себя окрылённее: миллионы, лимузины, яхты – все эти, как нам тогда представлялось, непременные атрибуты американского счастья казались такими близкими и достижимыми!

Настало время прощаться – каждая минута жизни Ларри стоила очень дорого. Но что-то мешало ему вот так просто подняться и уйти. Он отозвал меня в сторонку:

– Киндер, – по-родственному начал он, – у вас зимние вещи есть?

В Нью-Йорке стояла ясная, теплая и очень живописная осень. У нас были свитера и осенние куртки. Но какая нас ожидает зима – мы не знали.

– О'кей, – и Ларри что-то занёс в свою записную книжку.

– Посуда у вас есть? – озабоченно продолжал он.

Мелкой посуды у нас было навалом: мы везли её с собой, ею нас снабжали бесчисленные благотворительные организации, к тому же мы могли пользоваться всей кухонной утварью Дины. Но пара больших кастрюль и сковородок нам бы не помешали.

– О'кей, – он опять что-то отметил в записной книжке.

– Работа у тебя есть? – участливо задал он самый главный для меня вопрос.

– Пока нет.

– А кто ты по специальности?

– Программист.

– О'кей, – обрадовался Ларри. – Разработчики языка «Си» – Кен Томпсон и Деннис Ритчи – мои лучшие друзья. Я обязательно поговорю с ними о тебе, – ручка чуть дольше протанцевала по записной книжке.

Мы все вышли его провожать. Шофёр услужливо распахнул перед ним заднюю дверцу машины.

Ларри тепло простился с нами, сел в лимузин и… исчез навсегда.

***

Но какая же прекрасная была у него мать – Рахиль!

Наша семья берёт начало из местечка Спичинцы, расположенного в 75 км юго-западнее Бердичева. Когда в 1905 году по Украине прокатилась волна погромов, двоюродный брат Рахили Аврум Тилис уехал в Америку.

На некоторое время погромы затихли. Но в годы гражданской войны они вспыхнули с новой силой: петлюровцы и поляки, деникинцы и махновцы – все они развлекались жестокими погромами.

5 октября 1920 года, в радостный праздник «Симхат Тора», начался петлюровский погром в местечке Спичинцы.

Моему отцу тогда исполнилось шесть лет. Мать схватила его на руки и бросилась бежать через заднюю дверь к знакомой молочнице. У этой украинки в доме стояли петлюровцы, но она сумела незаметно поместить двух евреев у себя на чердаке. Все три дня, пока шёл погром, она тайно носила им еду.

Старшая сестра отца Рахиль с подругами побежали к реке Рось. Там они скрывались в густых камышах. Только поздней ночью им удалось переправиться на другой берег на чьей-то лодке.

В местечке было убито 14 мужчин, женщины бесстыдно насиловались на глазах у всех.

Ударом шашки по голове был убит брат отца – Борух. Это был умный, мягкий и застенчивый юноша. Он сам изготовил переплётный станок и в свободное время переплетал всему местечку книги бесплатно. Поэтому он был очень начитан. В честь него меня назвали Борисом.

Сразу же после погрома Рахиль решила эмигрировать в Америку. В конце октября 1920 года она поехала на станцию Погребище, в восьми километрах от Спичинцов, взяв с собой только самые необходимые вещи. Все односельчане знали, что она едет «по женским делам» к доктору. Оттуда она добралась до столицы Латвии – Риги.

К этому времени Америка перестала принимать эмигрантов. Деньги кончались – Рахиль была в отчаянии. Но тут её разыскал из Америки Аврум. Он поддерживал её материально в течение года, затем приехал к ней, взял её фиктивно замуж и как жену увёз в Штаты.

От этого фиктивного брака и родился Ларри.

В Нью-Йорке Аврум и Рахиль открыли прачечную, в которой работали по 16 часов в сутки без выходных и отпусков многие десятки лет.

Только один раз в жизни Рахиль взяла отпуск.

Это случилось после того, как летом 1926 года в Париже еврей Самуил Шварцбард, семья которого вся погибла при погроме, в упор застрелил Симона Петлюру. Суд над Шварцбардом начался через полтора года. За подсудимого вступились Ромен Роллан, Альберт Эйнштейн, Максим Горький и другие знаменитости.

Рахиль приехала во Францию и давала показания в суде как свидетель. Она привезла в Париж снимки её брата – Боруха.

Самуил Шварцбард был оправдан.

В Нью-Йорке она организовала «Союз Спичинецких Евреев». Только благодаря её стараниям на одном из центральных Нью-Йоркских еврей-

ских кладбищ недалеко от могилы Шолома Алейхема был создан мемориал евреям-землякам, погибшим в Спичинцах в годы Холокоста.

Рахиль была гордостью нашей семьи!

И пусть тысячелетий пыль
Не скроет имени – Рахиль!

***

В 1920 году в Одессе, на Молдаванке, ребёнком жила моя мать. Во время очередного погрома их укрыл у себя дворник.

Толпа погромщиков приблизилась к воротам их дворика.

– Жиды е? – заорали они вышедшему на бешеный стук дворнику.

– Та не, вот вам хрест.

– Побожись!

Дворник быстро вынес икону и на глазах у всех перекрестился перед святым ликом. Банда громил рванула через дорогу к соседним воротам. Отряд еврейской самообороны, состоявший в основном из студентов, бросился им наперерез.

Завязалась перестрелка. Одна шальная пуля залетела в мамин дворик, отскочила рикошетом от стены и... попала в дворника. Он упал замертво на спину, не выпуская икону из рук. Теперь две пары синих глаз смотрели в высокое, иссиня-синее одесское небо: как будто дворник просил прощения у всех святых за свою святую ложь, а простреленная Богородица, – моля Бога об отпущении его грехов.

***

По господствующей сейчас теории наша Вселенная образовалась из капельки сверхплотного вещества, которая взорвалась 14 миллиардов лет назад. В результате этого взрыва образовались все объекты во Вселенной, продолжающие с ускорением разбегаться друг от друга (с возрастом это ощущаешь всё острее...)

Умирая, многие звёзды в свою очередь взрывались, выбрасывая в межзвёздное пространство огромное количество пыли и газов. Из этой пыли образовывались планеты. Так 6 миллиардов лет тому назад образовалась Земля и всё сущее на ней.

Значит, все мы, земляне, – дети звёзд!

Ну, а все поколения нашей семьи – ещё и дети погромов.

***

– Ребе Шнеерзон забывается за вас за шабат, – в очередную пятницу торжественно произнесла Дина.

И мы пошли (т.к. лифтом в шабат пользоваться запрещено!) к её соседу по дому, Ребе Шнеерзону, жившему несколькими этажами выше, на первую в нашей жизни святую субботу.

Ребе Вильгельм и его семья приняли нас очень тепло. На столе стояла традиционная хала с мёдом, сверкали рюмки, полные бордового вина. В окружении толпы ребятишек покрытая светлоголубым платком в длинном тёмном платье до пола ребецин Сара зажгла субботние свечи.

В зыбком свете свечей глаза Ребе сверкали, как очи пророка. Они излучали свет Абсолютного Знания, не дававший никому усомниться в том, что на планете Земля и в ближайшей Вселенной нет таких вопросов, на которые у Ребе не было бы готовых ответов.

Раздался телефонный звонок – Ребе даже не пошевелился в его сторону.

Разговор зашёл об эмиграции.

– Почему немецкая эмиграция 30-х годов построила много новых синагог, а ваша – построила только бизнесы? – строго спрашивал с нас Ребе.

Что я мог ему сказать?

Что в СССР семьдесят лет не было религии?

Что всей нашей семье было позволено вывезти аж 180 долларов?

Что немецкие эмигранты были куда лучше «упакованы» – один Ганс вывез три чемодана золота в Америку?

В ответ мы пристыженно молчали, опустив головы. Этим самым мы брали на себя всю вину за отсутствие строительства новых синагог в Нью-Йорке и окрестностях представителями нашей волны эмиграции. Удовлетворённый нашим глубоким раскаянием, Ребе Шнеерзон пригласил нас к столу.

Полагалось обсудить недельную главу Торы.

Ребе важно начал:

– Тора говорит: «Бойтесь каждый матери своей и отца своего».

Второй раз зазвонил телефон – никто не брал трубку.

– В чём должна выражаться боязнь? – продолжал Ребе. – Представьте себе такую картину: сын, одетый в праздничные одежды, возглавляет собрание уважаемых людей, и в это время входит его отец, ударяет его, плюёт ему в лицо, рвёт на нём одежду. Сын не имеет права высказать родителю свою обиду, чтобы не вызвать у него ещё большее раздражение.

– Вы всё понимаете? – повелительно спрашивал Ребе после каждого пассажа.

Мы ошарашенно кивали головами.

Дело в том, что мой отец был очень мягким и тактичным человеком. Никогда в жизни он не только не поднял на меня руку – даже резкого слова в свой адрес я от него не слышал.

Было очень непросто представить, как мой бесконечно любящий меня отец ударяет меня и плюёт мне в лицо. И добро бы он это сделал наедине. Нет, как Ганс, который на весь этаж визжал, что Мая его ограбила, так мой

отец делает это в присутствии собрания уважаемых людей, которое я возглавляю.

Ещё труднее было представить, как отец рвёт на мне «праздничные одежды». Все послевоенные годы наша семья жила очень бедно – мама ходила десятки лет зимой и летом на работу и на базар в одном свадебном платьице.

Я попал в Королевство Кривых Зеркал. Нет, я попал в Зазеркалье, из которого не было выхода. По многим сюжетам из моей теперешней жизни плакал Кафка.

Я попал в «Закафказье»!

Мои размышления прервал резкий звонок. Третий раз, лихорадочно захлёбываясь, звонил телефон, но ничто не могло нарушить трепетную гармонию этого древнего, как мир, праздника.

Наконец, не выдержала ребецин Сара:

– Понимаете, его мама находится в госпитале. Ей осталось жить всего пару дней, и в те редкие минуты, когда она приходит в себя, она звонит единственному сыну. Вы уж простите её – она не помнит, что сегодня шабат…

***

Шабат!

Этот светлый праздник снисходил на Землю каждую неделю уже не одну тысячу лет. Но впервые мы столкнулись с ним только в Вене, по дороге в Америку.

В Столицу Вальсов мы прибыли в пятницу под вечер и сразу же бросились искать почту, чтобы позвонить Мае в Нью-Йорк, в госпиталь. С её диагнозом – каждая минута могла стать последней...

Проблема была в том, что мы не знали немецкого языка, да и спросить было не у кого.

Но тут нас поджидала большая удача: по пустынной очень красивой венской улице в свете закатного солнца навстречу нам шли трое евреев. Вернее, двое молодых евреев с трудом вели третьего – белобородого старца, из последних сил переставлявшего (скорее – волочившего) ноги. Было видно, что он давным-давно уже прикован к постели. И если он и покидает её, то только для того, чтобы в святую пятницу посетить синагогу.

Отец вежливо обратился к старцу на идиш:

– Не будет ли достопочтеннейший Реб так любезен, чтобы указать нам дорогу на почту?

– Откуда идёт еврей? – с трудом отдышавшись, в свою очередь спросил тот.

– Из Украины.

– Откуда из Украины?
– Из Житомира.
– Что еврей делает в Вене?
– Мы здесь в эмиграции.
– И как давно?
– Мы только что прибыли.
– Куда идёт еврей?
– В Америку.
– В Америку? Почему в Америку? Разве в Вене так плохо?
– У нас дочь там...
– И что, еврей в шабат вместо синагоги пойдёт на почту?
– У нас дочь там умирает... Мы хотим ей позвонить.
– Так еврей вместо того, чтобы помолиться за неё в шабат в синагоге, пойдёт на почту?

Отец покраснел, как провинившийся школьник, и начал неловко оправдываться:

– Мы стараемся всегда, отовсюду и как можно чаще звонить ей, чтобы поддержать её в последнюю минуту.
– Евреи всего мира в шабат идут в синагогу, а им нужна почта!?!
– Она в Нью-Йорке при смерти и ждёт нашего звонка.

Не скрывая своего величайшего презрения к нам, «достопочтеннейший Реб» указал отцу дорогу...

***

Отец уйдёт из жизни в Нью-Йорке через 12 лет, не дотянув всего несколько дней до своего 88-летия.

Я прилечу в Нью-Йорк из Колорадо Спрингс вечером того же дня – в Шабат. Спасибо служащей одной авиакомпании, которая, войдя в моё положение, в считанные минуты выписала мне срочный билет с огромной скидкой.

Обезумевшая от горя мать не сможет говорить со мной.

Сразу же после моего приезда раздастся звонок в дверь – это придёт медсестра Света, вот уже более 10 лет смотревшая за моими родителями. И прямо с порога:

– Где Яков?
– Он умер...
– Во сколько?
– В 3 часа утра.
– Боже мой! Я так спешила к вам. Понимаете, сегодня ночью мне приснилось, что я сплю. Вдруг приходит ко мне Яков и осторожно трогает меня за плечо. Я просыпаюсь, а он говорит: «Позаботьтесь о моей жене Рае,

пожалуйста», – и исчезает... – После этого я в ужасе просыпаюсь – уже по-настоящему. На будильнике – 3 часа утра.

Так впервые в жизни я получу подтверждение о существовании загробного мира с его непонятными для нас законами.

Но тело отца пока ещё находится в этом мире, и я хочу с ним проститься. После расспросов соседей я узнаю, что его увезла какая-то еврейская организация, а похороны назначены на воскресное утро.

Я звоню по множеству номеров – трубку не берёт никто!

Шабат!

Тогда я оставляю мать с сердобольными соседками и начинаю метаться по пятнично-ночному и субботне-дневному еврейскому Нью-Йорку.

Я не пропускаю ни одной клиники, ни одного похоронного дома – всё напрасно! Все двери закрыты! А если какая-то дверь чудом оказывается не запертой, то внутри девочка-испанка, абсолютно не говорящая по-английски, ласково на пальцах объясняет мне, чтобы я приходил в понедельник...

Солнечное воскресное утро.

Маленькая квартирка родителей до отказа заполняется родными, друзьями и соседями. В толпе мелькает незнакомое лицо. Чёрная борода под чёрной широкополой шляпой. Это Ребе: он привёз отца и будет проводить обряд погребения. За свои услуги он просит 250 долларов. Я выписываю ему чек, Ребе с благодарностью его принимает и... через минуту возвращает его мне обратно в сильном волнении, прося оплатить все немедленно наличными.

– ?!?

Ребе объясняет, что чек выписан на колорадский банк, и если на моём счету там не окажется денег, то ему, как жителю Нью-Йорка, будет очень трудно (скорее всего – невозможно!) выиграть против меня судебный иск на два штата.

Что делать? – У меня нет ни копейки наличными!

Я полностью раздавлен ситуацией: по глазам Ребе я вижу, как на задворках его сознания всё увереннее зреет мысль, что я – аферист!

И только глядя в полные горя глаза моей матери, Ребе решается на огромный риск – была не была – он готов провести процедуру даже в ущерб себе и забирает мой чек обратно!

Ну, наконец-то с формальностями покончено! Где отец? Я хочу с ним проститься.

О чём речь? Возле дома не было парковки – Ребе встал во второй ряд: надо торопиться, а то его могут оштрафовать.

Все спешно выходят на улицу: Ребе быстро и монотонно бубнит себе под нос отходную молитву.

По ком?

Где стоит его машина??

Где отец???

Рёв машин, громкие гудки, крики мечущихся взад-вперёд мальчишек-мексиканцев заглушают почти все его слова.

К счастью, машина Ребе не оштрафована!

Теперь все должны в темпе рассесться по своим машинам и, не теряя ни секунды, мчаться за город, в другой штат за машиной Ребе, на кладбище, где похоронена Мая.

У места погребения Ребе кивком головы подзывает меня. Я подхожу. Ребе кончиками пальцев чуть-чуть приоткрывает крышку гроба.

Это – не акт прощания.

О том, чтобы дать матери побыть пару последних минут со своим мужем, с которым она счастливо прожила 65 лет, не может быть и речи: кладбище – не место для сантиментов!

Просто – по законам Америки происходит процедура опознания тела...

За какую-то долю секунды сквозь узкую щёлку я успеваю разглядеть белый саван, в который по древнееврейскому обычаю укутано хрупкое тела отца, осунувшееся лицо, небритые вот уже два дня щёки.

Я машинально киваю в ответ.

Удовлетворённый Ребе захлопывает крышку.

Больше в этой жизни я отца не увижу.

***

А пока красавица-Вена уже начала примерять свои вечерние неповторимые наряды.

Мы все стояли впятером, плотно прижавшись друг к другу, в телефонной будке для международных переговоров.

Нью-Йорк на проводе.

У мамы перехватило дыхание. Она молча передала трубку отцу – с ним та же история. Трубку взял я.

Собрав волю в кулак и стараясь придать голосу как можно больше бодрости и оптимизма, я восклицал:

–Здравствуй, Майечка! Мы уже в Вене! Скоро будем в Америке!

–Поскорее бы... – еле выдохнула трубка.

***

Но путь в Америку оказался неблизким.

Всё началось с того, что перед самой демобилизацией в наш полк завезли... атомные бомбы!

Так я получил в ОВИР-е свой первый отказ.

После этого добрые люди посоветовали мне подать на апелляцию.

Через 6 месяцев я получил второй отказ.

Те же добрые люди объяснили: не подмажешь – не поедешь!

К нашему большому счастью, в это время по Житомирскому КГБ был издан приказ, что все его сотрудники обязаны иметь хотя бы законченное среднее образование. Толпы рыцарей плаща и кинжала ринулись в вечернюю школу в центре города, где работала преподавателем математики и классным руководителем моя мать.

Один из учеников живо откликнулся на её просьбу и обещал обязательно нам помочь. Обрадованная мама поздно ночью (чтобы никто не видел) принесла ему домой большую хрустальную вазу с пухлым конвертом внутри.

Так я получил свой третий отказ.

Это дало мне уникальную возможность двенадцать лет в разговорах с другими отказниками называть себя Трижды Еврей Советского Союза.

***

В Америку Мая уезжала одна.

За праздничным столом вместе с нами радость её отъезда разделили 12 самых преданных друзей. Было море тёплых улыбок, душевных пожеланий, сердечных тостов.

Первый тост поднял мой отец: «За счастливую жизнь в Америке!».

Гости разошлись далеко за полночь, а наутро у нас раздался звонок, и вежливый, но властный мужской голос пригласил отца в... КГБ.

С 10 часов утра до 6 часов вечера трое заинтересованных лиц в штатском, поочередно сменяя друг друга, искренне и непрерывно старались узнать, как, живя в такой прекрасной стране, как наша, можно было агитировать за отъезд в самую страшную капстрану мира, где всех, якобы, ожидает счастливая жизнь?

Видимо, у этих трёх особей в Житомире, как и у Ларри в Нью-Йорке, каждая минута была на счету. Иначе, зачем же им было нужно не давать отцу перерыв на обед и возможность за весь день выйти в туалет?

***

Уехавшие – уехали, а жизнь оставшихся отказников превращалась в выживание. С работы их изгоняли, на работу – не брали, а после 6-ти месяцев искусственно спровоцированной безработицы у них отбирали квартиры –«за тунеядство».

Чтобы как-то выжить, жена на базаре «пробовала» у крестьянок еду и, поторговавшись для вида, уходила.

Всё это время я подрабатывал инженером-наладчиком на газопроводе в Жаслыке, в Средней Азии между Аральским морем и Каспием. Мне ещё повезло: туда брали всех – даже отказников. А вообще, в отказе я видел учёных, работавших грузчиками, докторов –кочегарами, физиков –сторожами... Особенно престижными считались две последние профессии – они давали возможность по ночам изучать английский!

Жизнь в Жаслыке не поражала разнообразием: работа-водка.

Поражали масштабы – когда взорвался силовой кабель, главный инженер вместо премии поставил три ящика зелья ремонтной бригаде, устранившей аварию за ночь.

Скука, пьянство, абсолютное отсутствие надежд на перемены диктовали свои правила общения в этом захолустье, куда не проникал ни один сигнал далёких телевизионных ретрансляторов.

Матерились все!

Закоренелые зеки не знали другого лексикона. Нежные девушки-красавицы использовали мат для демонстрации своей современности, для связки слов, а также как суррогатный юмор.

Стоило на пару шагов отойти от городка работников газовой подстанции, как начиналась бесконечная буровато-серая песчаная пустыня. Если абстрагироваться от колючек – перед вами расстилался типично марсианский пейзаж.

Вдалеке виднелись замысловатые глиняные мавзолеи мусульманского кладбища с полумесяцами над крышами. Возле кладбища внимание привлекало необычное сооружение, похожее на летающую тарелку, но только без окон.

– А там сжигают трупы умерших от холеры – охотно сообщил мне один узбек...Только много позже я узнал, что Жаслык – это самый крупный секретный полигон для испытания химического и бактериологического оружия времен СССР. И конечно, некоторые крупномасштабные испытания проводились с некоторыми нарушениями техники безопасности.

Надо было не допустить возможности правильной постановки диагноза погибшим, а также распространения эпидемий с плато Устюрт далее – в Узбекистан и Казахстан.

Поэтому так часто горел огонь «Летающей Тарелки».

***

Чтобы избежать пристального ока КГБ, мы начали активно менять нашу квартиру на жильё в других городах. При слабой компьютеризации этой организации нам удавалось на полгода-год «лечь на дно».

Таким образом мы оказались в Хмельницком – бывшем Проскурове, очень живописном городке на берегу Южного Буга, где Куприн написал свой «Поединок».

Наш дом стоял недалеко от ХТИБО – Хмельницкого Технологического Института Бытового Обслуживания, – и я пошёл устраиваться туда в Вычислительный Центр. Начальник Центра – Павел Павлович Котёночкин – принял меня более чем радушно: ему был очень нужен программист да ещё с московским дипломом. Он предложил мне должность руководителя группы, и я согласился.

Поздно вечером у нас раздался звонок – звонил расстроенный Павел Павлович:

– Борис Яковлевич, я могу вам предложить только должность старшего инженера... Тут возникли некоторые сложности с отделом кадров... Вы меня понимаете?.. – многозначительно выдавил он из себя.

Ну, конечно же, я всё понял...

Кстати, моя дочурка тоже всё поняла, когда в 3-м классе их учительница повела записываться в библиотеку. На вопрос библиотекарши: «Национальность?», она гордо развернулась и побежала домой, т.к. интуитивно поняла, что слово «еврей» будет звучать как «прокажённый».

Павлу Павловичу я ответил, что готов принять и эту должность.

Поздно вечером следующего дня у нас опять раздался звонок – звонил крайне взволнованный Павел Павлович:

– Борис Яковлевич, я могу вам предложить только должность младшего инженера... Вы же знаете, как те дядьки из отдела кадров к Вам относятся? – в его голосе слышалось неприкрытое презрение к «тем дядькам».

В «отказе» ни работу, ни должности не выбирают, – я согласился.

Прошёл месяц, и однажды радостный Пал Палыч (так все называли шефа за глаза) пригласил меня в свой кабинет. Я был уверен: разговор пойдет об очередной командировке в Киев или Москву, но я здорово ошибся:

– Борис Яковлевич! Хочу Вам предложить должность руководителя отдела программирования!

Ничего ещё не понимая, я автоматически спросил:

– А как же «те дядьки»?

– С ними всё улажено!

Вот это да! И это после «отказа», после бесплодных поисков работы, после Жаслыка! Я, не раздумывая, согласился.

Совершенно неожиданно для себя я перепрыгнул через всех старших инженеров и руководителей групп, проработавших уже более 20 лет в этом отделе и формально имевших намного больше прав на эту должность...

Был уже конец рабочего дня. Пал Палыч завёл меня в мой отдел и торжественно сообщил моим бывшим коллегам, что отныне я буду руководить ими. Я увидел откровенную ненависть в глазах всех сотрудников возглавляемого мною вот уже несколько секунд отдела.

Придя домой, я радостно сообщил жене:

– Живём! Отныне я – руководитель отдела!

– Как бы чего не вышло, – грустно заметила она.

Ох уж эти мне женщины – они из всего делают проблему!

На следующее утро шеф вызвал меня к себе: надо было обсудить план работы на ближайшее время. Раздался звонок, Пал Палыч снял трубку. Вдруг лицо его покраснело, затем побелело, затем позеленело. Не говоря ни слова, он бросил трубку и пулей вылетел из кабинета.

Вернувшись через час, Пал Палыч снова вызвал меня к себе. Я был уверен: мы продолжим обсуждение плана работ. Но он выглядел каким-то побитым и растерянным:

– Что же вы скрыли?

– ???

– Ну, что вы – «отказник»? Меня вызвали в КГБ и показали папку с вашими данными...

– А как бы вы поступили на моём месте?

– Борис Яковлевич, вы не понимаете: КГБ начинает проверять биографии работников, начиная с руководителей отделов и выше. Скажи вы мне, что вы – «отказник», я бы дал вам должность руководителя группы, на которой вы бы спокойно просидели до пенсии. А сейчас они требуют, чтобы я вас уволил. Но я постараюсь для вас что-нибудь сделать...

Мы зашли в отдел. Шеф, стараясь выглядеть как можно более бодрым, изрек:

– Борис Яковлевич решил отказаться от должности руководителя отдела и перейти на должность младшего инженера...

В маленьком институте новости распространяются быстро: все уже знали всю мою подноготную, и теперь я увидел море злорадства в глазах сотрудников возглавлявшегося мною одну ночь отдела.

Мой лучший друг, воспользовавшись моментом, когда меня не было в отделе, перевёл телефон на громкую связь (чтобы всем сотрудникам было слышно каждое слово), позвонил в Житомир моей маме и в разговоре с ней стал сочувственно размышлять о трудностях моей жизни в «отказе».

Мне пришлось срочно уволиться, и мы начали снова искать обмен на любой другой город, т.к. в Хмельницком все пути для меня были заказаны.

К моему огромному счастью, отдел кадров ещё не успел испортить мою трудовую книжку двумя абсолютно необъяснимыми с позиций здравого смысла записями...

Арабы создали сказки – «Тысяча и Одна ночь», Шекспир – комедию «Двенадцатая Ночь», а жизнь – гениальный режиссёр – поставила короткую пьесу с моим участием – «Начальник на одну ночь».

***

Все последующие годы были посвящены лихорадочным поискам работы. Почти всюду ко мне относились чуть хуже, чем в Индии относятся

к членам касты «неприкасаемых». В Днепропетровском обкоме партии начальник отдела трудоустройства, презрительно щуря глаза, прямым текстом врезал мне в своём кабинете: «А мы вас сюда не звали!»

Но случались и казусы.

Узнав, что в Таллине на домостроительном комбинате берут инженеров да ещё дают «малосемейку», я немедленно выехал туда.

Оказалось, начальник отдела кадров Андреас Пыдер уже ждал меня:

– А, сдрафстфуйтэ, сдрафстфуйтэ. Так фы отт Уллэ Калвикка? – спросил он.

– Нет, – простодушно признался я.

На этом разговор был закончен.

***

В это время Московская синагога открыла нечто похожее на институт по подготовке раввинов. При этом на 4 года давалась квартира в Москве и солидная стипендия. Я знал идиш в совершенстве, и надо ли говорить, что я был одним из первых его абитуриентов. На собеседовании старый Ребе сказал, что мне следует приехать к ним ещё раз, т.к. отбор и зачисление будут производиться после праздников.

Была ранняя осень, и я уточнил:

– После октябрьских праздников?

С Ребе чуть не слетела шляпа:

– Дурак! – После «Симхат Тора»!

Очень редко жизнь – равнина:
Не видать мне сан раввина.

***

Всю мою группу (кроме меня) после окончания МЭИ оставили в Москве, в «Гидропроекте». Оксана Николаенко, моя однокурсница, приехав в Житомир в командировку, немедленно разыскала меня:

– Давай скорее к нам. Наш отдел расширяется – набирают много новых специалистов. Жильё дают недалеко от Москвы – в Подольске. Смотри – не опоздай!

Через пару дней я был в высотке у развилки Ленинградского проспекта и Аэрофлотского шоссе. Оксана встретила меня, приободрила: «Всё будет хорошо!» – и завела в кабинет к главному инженеру проекта – И. П. Конвизу:

– Иван Петрович! По Вашей просьбе я нашла Вам хорошего инженера.

Он встретил меня крайне подозрительно:

– Паспорт, – резко приказал он.

Видимо, что-то сильно не понравилось ему там, т.к. следующий приказ: «Диплом!» он отдал, как бы нехотя. И тут я заметил, что он держит мой документ... вверх ногами?! Почитав его для вида в этой позиции некоторое время, он бросил его на стол:

– Нам специалисты Вашего профиля не нужны!

У выхода стояла радостная Оксана, уверенная в моём успехе:

– Ну как?

– Специалисты моего профиля ему не нужны.

– Странно, очень странно – набор именно таких специалистов идёт уже пару недель... Но ты не огорчайся: мы всей группой пойдём к нему и во всём разберёмся.

– Нет смысла.

Будь ты гений, будь ты профи,
Главное – арийский профиль!

***

В Тбилисском научно-исследовательском институте приборостроения и средств автоматизации начальник отдела кадров Штейнгарт Соломон Израилевич прямо спросил меня:

– Вы еврей?

(Это звучало, как в анекдоте:

Мюллер: – Штирлиц! Вы еврей?

Штирлиц: – Нет! Я – русский!)

– Да, – признался я.

Тут он вышел из-за стола и закрыл за мной дверь на ключ на два оборота:

– Молодой человек, вы очень правильно сделали, что приехали к нам. Когда наши поехали на Всемирный симпозиум по автоматике в Норвегию – в Осло, – многие их там спрашивали: «Что это за страна такая – Грузия?» И наши гордо отвечали: «Грузия – это страна, где никогда не было погромов!»

– Я бросил Москву ради Тбилиси и нисколько не жалею об этом! Кем бы я был в Москве? – Никем! А здесь – я заведую отделом кадров! Здесь я женился и здесь я нашёл своё счастье!

– У вас прекрасный диплом. Я дам вам хорошую должность, ставку и в скором времени квартиру в районе Сабуртало. Через пару лет я обещаю вам аспирантуру и успешную защиту.

Я не верил своим ушам! Неужели всё это возможно после Жаслыка, Хмельницкого, Московской синагоги?

– Вам нужно только, – между тем продолжал Соломон Израилевич, – жениться на моей племяннице... Она – физик-атомщик, скоро защитит

кандидатскую, чемпионка Тбилиси по шахматам, – уговаривал он меня.

Из-за своей близорукости он не разглядел моего обручального кольца...

Вам нужны заоблачные выси? –
Так женитесь, мальчики, в Тбилиси!

***

В Киеве, в институте «Теплоэнергопроект» срочно набирали большое количество рабочих, монтажников, инженеров на строительство крупного объекта. Большой актовый зал был превращён в Отдел кадров. За множеством столов сотрудники одновременно принимали будущих участников великой стройки Коммунизма.

Стоя в очереди, я стал присматриваться ко всему происходящему. За столиком рядом какой-то мужик протянул кадровику некое подобие трудовой книжки. На каждой её странице были сделаны аккуратные вырезки, и она напоминала то ли часть чёрно-белой клавиатуры рояля, то ли висящее на столбе объявление об обмене престижной квартиры с бахромой из телефонных номеров, половина из которых была вырвана.

На все недоуменные вопросы типа: «А что здесь было?» – мужик с задором отвечал: «А я не знаю!» Было ясно, что на работу устраивался отпетый алкаш, которого либо отовсюду гонят, либо предлагают уйти «по собственному желанию».

К моему величайшему удивлению, он был немедленно принят, и ему был выписан пропуск на объект и в общежитие.

Это воодушевляло и вдохновляло: если берут таких, значит, – моё дело в шляпе!

Разговор со мной был коротким:

– Диплом?

– Паспорт?

– Нэ трэба!

Через несколько лет весь мир узнал название этого объекта – «Чернобыль»... Мой Ангел-Хранитель вновь подставил мне своё крыло.

***

Не знаю, как во Вселенной, а на нашей Земле всё когда-нибудь кончается – через 12 лет кончился и наш отказ. Горбачёву позарез нужно было американское зерно и новейшие компьютерные технологии. За это Америка выторговала у СССР право для евреев переезда на свою историческую родину – в Израиль.

Мы прекрасно понимали, что являемся лишь мелкой, разменной монетой в крупной политической игре и что форточка в Европу скоро захлопнется. Надо было торопиться!

Но отец, узнав о болезни дочери, лежал после инфаркта... Соседи, отводя меня в сторонку, горестно вздыхали:

– Довезите отца хотя бы до Киева.

А от Житомира до Киева было всего 130 км.

Теперь наша семья в спешном порядке проходила все те круги унижения, по которым до нас прошли миллионы эмигрантов.

Нас лишили гражданства и отобрали паспорта!

Нам запретили вывозить с собой наши дипломы о высшем образовании.

Нашу квартиру необходимо было безвозмездно сдать государству. Она была отремонтирована, но ЖЭК потребовал деньги за... её ремонт: иначе нам не подписали бы выездные документы.

Нельзя было брать с собой наши деньги и драгоценности (за исключением нескольких мелочей).

Все рукописи, документы, фото, отображавшие жизнь в СССР не с самой лучшей стороны, подлежали немедленному изъятию.

У Лены в семье была огромная библиотека: её собирали три поколения. Продать её – это как предать друга. Мы стали срочно пересылать книги в Америку, но тут на почте у меня украли паспорт. Восстановление его отняло целый месяц...

Поэтому мы опоздали в Нью-Йорк, к Мае.

***

Всех эмигрантов принимал Израиль. Чтобы попасть в Америку, Канаду или в Австралию надо было доказать факты антисемитизма по отношению к вам. А ведь устный отказ в приёме на работу – не вывезешь.

Тогда мы быстро сделали снимки изуродованных вандалами надгробий наших родных на Житомирском еврейском кладбище. Но вывезти подобные материалы было абсолютно невозможно – они стояли в одном ряду с ядерными секретами СССР.

В Чопе, перед самым досмотром на границе, мы сложили наши документы в одну папку и дали её нашей дочери Марине. Она стояла в стороне, на самом видном, ярко освещённом, месте и гордо протягивала пограничникам необходимые документы.

– Паспорта.

– Визы.

– Документы на кольцо, – требовал пограничник.

– Вот, – протягивала ему наша дочь, вынимая из папки нужный документ.

После этого нас заставили высыпать всё содержимое чемоданов на длинный, обитый выщербленным железом, стол. Пограничники придирчиво перебрали каждую нашу вещь. Не найдя ничего, они безрадостно закончили досмотр. Мы с чемоданами, Марина – с папкой прошли через кабинки визуального контроля в зал ожидания.

На дне папки в открытую лежали... снимки могил наших предков.

***

Поздно ночью дизель-поезд Чоп-Братислава стал выбирать последние метры родной земли. Мы прильнули к окнам – кончался СССР! Но, кроме редких огоньков, ничего не было видно.

Люди, не спавшие много ночей, начали как-то располагаться на ночлег в сидячих купе. Вдруг состав резко дёрнулся и остановился. По вагонам, громко стуча сапогами, заспешили хмурые, злые пограничники, срывая всех нас со своих мест, – искали зайцев. Этот шмон пограничники могли сделать в Чопе, но они дали нам возможность расслабиться и теперь решили захватить врага врасплох...

В Братиславу мы прибыли утром. Оставив родителей на перроне, мы вышли в город: надо было раздобыть немного хлеба. Подумать только – наша первая загранка! Мы в Европе! Один словак подарил нашей симпатичной дочери банан.

С хлебом вышла заминка: словаки не принимали ни рубли, ни доллары. Чудом у нас завалялась монета – юбилейный рубль с Лениным. Молоденькая продавщица приняла её, отсыпав нам десяток булочек. Она не была нумизматка – просто она сжалилась над нашей дочуркой.

Вернувшись обратно, мы увидели плачущую мать и отца, лежащего прямо на перроне Братиславского вокзала. Мама рассказала, что отцу стало плохо, и она вызвала доктора. Тот пришёл очень быстро, но услышав русскую речь, немедленно исчез. Да, даже десятки лет спустя, чехи и словаки не могли забыть «Пражскую Весну» 1968 года, когда в мирное время в их страну были введены более 300 000 советских солдат и 7 000 танков.

Весь день отец пролежал на земле – к нему никто не подходил.

Вечером с нашей помощью он с большим трудом поднялся в поезд Братислава-Вена. В Вене нас разлучили: мы должны были проходить эмиграцию в Риме, а родители – в Вене. Никакие уговоры, что мы – одна семья, что родители очень больны, что у них в Нью-Йорке умирает дочь, не подействовали.

Оказалось, не одна Москва – бьёт с носка!

***

Ранним утром поезд Вена-Рим внезапно остановился на пустынном, маленьком перегоне приблизительно в 30 км от Рима. По вагонам разнёсся неожиданный приказ: «Немедленно покинуть состав!» На все это отводилось не более пяти минут.

Ничего ещё толком не понимающие люди начали спешно одеваться, запаковывать чемоданы и пробиваться к выходу. Их усилия были тщетными – выход был плотно забит мощной пробкой из тел, огромных баулов и чемоданов. Было ясно, что более половины вагона не уложатся и в 10 минут. И тогда положение спасла группа рослых, сильных парней из Черновиц: выскочив первыми из вагона, они стали кричать, чтобы мы выкидывали чемоданы из окон. Каждый чемодан они ловили и аккуратно складывали в сторонке. Только благодаря им мы уложились в заданное время.

Наш пустой поезд немедленно покинул перегон, освобождая путь для других составов. Теперь можно было и оглядеться по сторонам. Это была не станция – не было привычного здания вокзала, светофоров, стрелок. Это был даже не полустанок – не было ни одного железнодорожника в форме, вообще не было ни одной живой души. Только горячее, высоко стоящее солнце да буйная, экзотическая, ярко-зелёная растительность подсказывали, что мы находимся где-то в южной стране.

Вскоре приехали комфортабельные автобусы и по запутанным дорогам развезли нас по разным отелям в Риме.

В 1972 году в Мюнхене на Международных Олимпийских Играх арабскими террористами была расстреляна израильская команда. Поэтому итальянским правительством по отношению к нам принимались меры экстра предосторожности.

***

– Хочу джелато, – сказала моя дочь.

«Джелато» – по-итальянски означало «мороженое». Оно было намного хуже киевского, но в душном, жарком Риме желания ребёнка были понятны. Увы, все деньги уходили на звонки родителям в Вену, поэтому я всегда пресекал эти просьбы:

У нас денег маловато –
Будет в Штатах вам джелато.

Надо было что-то делать, и, присмотревшись к работе городских рынков, я придумал, как подкормить семью.

Ровно в 14:00 рынок закрывался, и крестьяне покидали свои места, оставляя непроданный товар на прилавках – везти его домой по такой жаре не имело ни

малейшего смысла. Точно в это же время на рынке появлялись дворники с мётлами. Это были смуглые, злые, бескомпромиссные создания. Всё, чем так богат южный рынок, безжалостно летело в большие чёрные контейнеры для мусора. Видимо, работа накладывала на них какой-то особый отпечаток. Во всяком случае, от итальянской приветливости, доброты и дружелюбия там не оставалось и следа. Они свирепо кричали и изгоняли каждого, кто оказывался на рынке после его закрытия.

Мой трюк строился на том, что дворники не могли контролировать весь рынок одновременно. Необходимо было в 13:59 занять исходные позиции в самых разных и далёких друг от друга торговых рядах (может, хоть кому-то из нас повезёт!), в 14:00 сориентироваться в боевой обстановке: схватить пару яблок, персиков или помидоров и с честью отступить под напором превосходящих сил противника.

Однажды я вынес огромный арбуз. Мы вымыли его в городском фонтане. Уселись в тени на скамейке безлюдного бульвара. И тут я понял – у нас нет ножа. Машинально я полез в карман – там лежал ключ от нашего гостиничного номера. Ключ – вот что было нашим спасением! Я стал долбить им арбуз по периметру и развалил его на две большие половины. Затем я превратил их в четыре четвертинки.

Совершенно непонятно откуда перед нами возник робкий юноша с потерянным взглядом, с потёртыми на коленях брюками и с большой книгой подмышкой. Это был Арик из Бердичева. Его знала вся эмиграция – каждому встречному он предлагал купить у него… том Карла Маркса «Капитал». Но на этот раз у него была явно иная цель:

– Вы не дадите мне кусочек арбуза? – жалобно попросил он.

Витаминов хватило на всех – жене, дочери, мне и ему.

Кого только не несла с собой третья волна эмиграции в счастливое капиталистическое будущее!

***

Третья волна эмиграции с трудом просачивалась сквозь узкие шлюзы ОВИРов; зато она свободно растекалась по грязному полу вокзала в Чопе, где тысячи уже не граждан СССР долгие дни и ночи вповалку лежали со своими «бебехами» в ожидании билетов на Братиславу или Вену; и, наконец, она с лёту разбивалась об изысканно-красивый фасад Американского посольства в Риме на Via Vittorio Veneto 121, перед которым прямо на улице, на асфальте, на каких-то старых шматах и одеялах лежало множество наших эмигрантов, получивших ничем не мотивированный отказ на въезд в благословенные Штаты и поэтому объявивших голодовку.

В это время, гуляя в сквере перед величественным Собором Петра и Павла, мы неожиданно обнаружили барахолку. В два часа дня торговля заканчивалась. Экспансивные итальянцы непроданные вещи не забирали домой – всё это

богатство было разбросано на лужайках, под деревьями, в воздухопроводных люках. Мы поднимали новенькие джинсовые костюмы и платья, модную обувь, зимние куртки, свитера, одеяла и т.д. и т.п.

Летние ночи в Риме были довольно прохладными, поэтому все тёплые вещи мы немедленно относили голодающим. Некоторые из них, разместив на самодельных стендах плакаты «СТЫДИСЬ, АМЕРИКА!», уже объявили сухую голодовку!

Удивительно, как быстро человек ко всему привыкает! Люди, прожившие при капитализме всего пару недель, вели себя так, как будто формулу «товар-деньги» они выучили намного раньше слова «мама». Когда они узнавали, что мы это делаем абсолютно бесплатно, у многих на глаза наворачивались слёзы. Эти слёзы были не дань нашему бескорыстию – просто народ неожиданно для себя начинал понимать, что то единство, то чувство одной семьи, то чувство одной нации, которое так естественно существовало в их душах до эмиграции, отныне было утеряно навсегда.

Из былой жизни остались только... телевизионщики из СССР – они радостно снимали голодающих (крупным планом – плакаты!) для программы «Время».

***

Дни в ожидании решения своей судьбы почти у всех эмигрантов протекали одинаково: утреннее купание в море, скромный завтрак, обсуждение последних новостей:

– Как там наши голодающие? Лучше бы они подавали в Канаду или в Австралию.

– Пока только с Израилем нет проблем.

– Ну кто же поедет в этот ваш Израиль – там же слишком много евреев!

– Вы знаете Фиру из Одессы? Так она недавно с сыном была на интервью у Американского консула. Они говорят ему: «Мы – одна семья. Поэтому, если вы не можете пустить нас обоих в Америку, то так и быть: мы оба согласны на худшее – на Израиль. Только не разбивайте нашу семью». И, что вы думаете, этот мерзавец сделал? – Сына он пустил в Америку, а мать – в Израиль. Теперь они оба лежат перед посольством и голодают.

– Сегодня в Ватикан вход свободный!

– В пятницу вечером у сына нашей соседки из Белой Церкви – Симочки – заболел животик. Она пошла в синагогу, к Ребе, чтобы он ей помог. Так он ей говорит: «Сегодня Шабат – приходи в понедельник». К счастью, рядом стоял костёл, и Симочка зашла туда. Ксёндз сразу всё понял, немедленно вызвал скорую, поехал вместе с ними в больницу, оплатил все процедуры и уехал только тогда, когда убедился, что жизни малыша ничто не угрожает.

– Значит,

Если еврея скрутит от колик,
Его спасенье – священник-католик!

– Ой, да когда же кончатся эти ваши стишочки, наконец! И без них тошно! Вы бы лучше посмотрели, что творится с СССР! Скоро он рухнет, и тогда вся эта голодная орда хлынет сюда – в Европу! Что будет с Европой?

***

Нас больше волновало, что будет с нами. Поэтому мы отправлялись на центральный рынок «Merkato», где надо было продать все взятые с собой для этого вещи: оптику, льняные салфетки и полотенца, матрёшки. На рынке работали воры высшей квалификации: мою сумку с вещами незаметно надрезали и вытащили всё содержимое. Автобусы были забиты ворами-карманниками. Мы решили больше никуда не ехать: после завтрака мы шли на пляж, где наша дочь предлагала отдыхающим деревянные ложки из Хохломы. Одна итальянская семья поинтересовалась, что мы можем продать из оптики? Узнав, что у нас есть фотоаппарат «Киев», они пригласили нас к себе.

Приём был – королевский!

Впервые в жизни мы увидели... мраморный дом. Полы, стены, потолки покрывал нежно-розовый мрамор. Из него же была изготовлена вся мебель: стулья и столы, кровати и шкафы. Было страшно присесть на такой стул. В добела раскалённом, летнем Риме всё это излучало освежающую прохладу.

От главы семьи мы узнали, что этот мрамор он заказал в Пакистане. Им оказался Данте Папарелли, работавший в Министерстве Авиастроения. Его жена – Лючия Нигастре – была... из ближайшего окружения короля Италии Виктора Эммануила III.

Оказалось, у них рос сын Винченцо, и наша Марина им так приглянулась, что они решили... совершить некое подобие помолвки наших детей.

Интерес к нам подогревался ещё и недавней историей. В 1941 году Альпийский корпус, где служил рядовым дядя Данте, – Аморе Папарелли – по приказу Муссолини был послан на Восточный фронт, в СССР для поддержки фашистских войск. Зимой 1943 года в боях под Сталинградом корпус был разбит, десятки тысяч итальянцев были окружены и взяты в плен. Немногим солдатам тогда удалось выбраться из окружения; среди них был и Аморе. Обмороженного, больного товарищи оставили его в одной хате в какой-то деревушке и пошли искать своих. Когда они вернулись за ним, оказалось, что он и дочь хозяйки этой хаты Нина влюблены друг в друга. Короче, в Италию Аморе вернулся с очаровательной русской женой, с которой счастливо живёт до сих пор.

Наша жизнь неожиданно изменилась. Теперь Данте и Лючия заезжали за нами днём – Лючии надо было поспеть на очередную примерку платья, которое она заказала специально для помолвки у самой модной портнихи в центре Рима. Вечерами (к дикому удивлению всей эмиграции!) их машина подлетала к нашей вилле: они забирали нас на танцы

в какой-нибудь престижный клуб, а затем показывали нам ночной Рим.

В одном клубе за наш столик подсел друг Данте – начальник полицейского департамента города Рима. Узнав, кто мы, он предложил нам остаться в Италии. Такой «пустяк», как постоянный вид на жительство (то, на что бы у других ушли долгие годы изнуряющей бесплодной беготни по многочисленным бюрократическим инстанциям), он брал на себя. По известным причинам мы не могли воспользоваться этим заманчивым предложением.

Если верить Шекспиру, что жизнь – театр, а мы в нём – актёры, то сейчас она разыгрывала спектакль под названием «Римские каникулы», где было всё: умирающая в Нью-Йорке Майя, лежащий после инфаркта в Вене отец, мы, днём ворующие фрукты и овощи на базаре, а затем посещающие бесплатно Ватикан (где желание вечно наслаждаться этой божественной живописью, скульптурой и архитектурой имело горестный привкус понимания краткости и быстротечности всего земного пути...) и, наконец, вечерами танцующие в элитных клубах и разъезжающие в дорогом авто по ярко освещённому ночному Риму.

С одной стороны, всё это выглядело, как пир во время чумы. С другой – в преддверии помолвки я не мог отнять у семьи последние земные радости.

***

Узким кинжальным лезвием треугольник Вена-Нью-Йорк-Рим зловеще вонзался в Город Большого Яблока, где Мая лежала в реанимации.

Загнанные в венский угол, мои родители погибали от невозможности хоть как-то помочь своей дочери, скрасить последние минуты её жизни и попрощаться с ней.

В своём римском углу я метался по официальным инстанциям с просьбами отпустить меня (только на пару дней!) к родителям в Вену или к сестре – в Нью-Йорк, но везде разговор заходил в тупик:

– Ваши документы?

– У вас есть австрийское или американское гражданство?

– У вас есть хоть какое-нибудь гражданство?

Главным условием покинуть СССР для нас был отказ от советского гражданства...

***

Однажды мы собрались на вилле у Данте. Во дворе Маринка перестреливалась с Винченцо из водяных пистолетов, на первом этаже Лена с Лючией готовили какое-то итальянское блюдо, а мы с Данте забрались на крышу, откуда открывался потрясающий вид на закат над Средиземным морем.

Надо сказать, что Данте не знал ни слова по-русски, а я – по-итальянски. Положение спасал карманный Русско-Итальянский и Итальяно-Русский словарик, выданный нам эмигрантской организацией. Надо было найти ключевое слово, по которому легко угадывалась вся фраза. Первым заговорил Данте:

– Америка, – сказал он, указывая на великолепный закат.

– Самолёт.

– Когда?

– Неизвестно.

– Зачем?

– Сестра.

– Что?

– Болеть.

– Возвращаться.

– Обязательно!

– Ждать.

– Спасибо.

К этому времени на крышу поднялись Лена и Лючия со своим блюдом. Данте откупорил бутылку вина. После нескольких рюмок разговор уже не нуждался в словах – их заменяли улыбки, жесты и тёплые, всё понимающие, взгляды.

Это было отличное, марочное вино! Ещё после пары тостов я попытался прямо здесь, за столом, найти ответ на сакраментальный вопрос Есенина «Куда несёт нас рок событий?» (из «Письма к женщине»). Вместо ответа неожиданно... прикатила «Телега жизни» Пушкина:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.

Данте откупорил очередную бутылку. Из неё выпорхнула стайка шальных рифм. Она весело набросилась на это четверостишие и быстро переиначила его:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Беседа за вином легка;
Пусть в итальянском глух и нем я,
Понятно всё без языка.

***

Наконец настал день, когда нашу семью вызвали на интервью в Американское посольство.

– Нье нада гафарыт нье правда! – напутствовала нас беременная, вся в рыжих веснушках, американская секретарша, мягко прожёвывая звук «Р».

Мы вошли в большой зал, где за длинным тёмным столом сидел консул и его переводчик.

– Поднимать ваш правый рука и повторать за мной: «Клянус гафарыт правда и толко правда», – сказал переводчик.

После серии обычных вопросов разговор зашёл о нашем тройном отказе.

– Значыт, КГБ тры раза слать вам писмо с отказ?

Это был вопрос-ловушка: консул прекрасно знал, что за всю историю КГБ оно никогда никому ни одного письма не послало!

– Нет, что вы, – ответил я, – они сообщали нам это по телефону.

Удовлетворённый консул стал расспрашивать нас дальше о фактах антисемитизма по отношению к нам. И тут мы вынули снимки изувеченных надгробий наших предков, которые наша дочь пронесла через таможню в Чопе, и передали ему. Консул (а затем и переводчик) принялся с огромным вниманием их изучать. Было ясно, что за всю историю эмиграции такие снимки он видит впервые.

– И что далше биль с етот бандить? – сочувственно спросил он.

– Ничего.

Консул, забыв о нас, стал долго и оживлённо обсуждать этот факт с переводчиком.

– Бандить ушёль! – резюмировал итог их беседы переводчик.

Нам срочно дали «ТРАНСПОРТ»! На языке эмиграции это означало: нам разрешили вылет в Америку.

Все наши скромные запасы еды были розданы соседям, а тёплые одеяла – голодающим.

По вековой традиции мы бросили пару монеток в фонтан Треви, над которым в начале XIX века княгиня Зинаида Волконская открыла свой известный литературно-музыкальный салон. В наше время этот фонтан стал известен всему миру по фильму Федерико Феллини «Сладкая жизнь», где Марчелло Мастрояни ночью купается в нём.

К огромному сожалению, с Данте, Лючией и Винченцо попрощаться не удалось: они отдыхали в одном из родовых имений Лючии на юге Италии. Но Вечному городу и его прекрасным обитателям не говорят «Прощай!».

Им говорят: «До свидания!».

Тебя мы не забудем, РИМ!
Ты, как любовь, – НЕПОВТОРИМ!

***

В самолёте мы познакомились с одной американкой – главным редактором одного из крупнейших журналов Калифорнии. Несмотря на бессонную ночь,

все 7 часов полёта я должен был простоять у её кресла, отвечая на бесчисленные вопросы о нашей жизни. Через месяц после приезда в Штаты я получил от неё журнал со статьей «Эксодус» – «Исход». Вместо эпиграфа – там был нарисован самолётик. В ней сообщалось, что после 12 лет отказа наша семья, наконец-то, смогла вырваться из деревушки под названием «Киев» и улететь в самую свободную, самую демократичную и самую справедливую страну мира – АМЕРИКУ!

***

АМЕРИКА!

Страна, где Статуя Свободы
Сзывает угнетённые народы!

Страна, первая пославшая человека на Луну!

При взгляде на карту Америки я просто шалел от счастья – впервые в жизни выбор был за мной:

Нью-Йорк! Чикаго! Сан-Франциско!
Где океан! Где не нужна прописка!

Кто не дышал этим воздухом свободы – тот меня не поймёт!

Незаметно наступил первый американский декабрь.

Еврейская община района Washington Heights в Верхнем Манхеттене, где мы жили у Дины, строго-настрого запретила своим членам... отмечать Новый Год!?! Вместо этого всем полагалось праздновать Хануку!

Я не мог оставить нашу дочь без самого светлого праздника в году. Но я всё ещё был безработным, и поэтому не мог купить ёлку: все деньги уходили на такси – на поездки за город – к Мае. Выход нашёлся очень быстро. После Рождества, которое американцы отмечают 25-го декабря, ёлки выбрасывались на улицы Нью-Йорка. Вечером 31-го декабря я выбрал одну из них, ёще с остатками украшений, взвалил на плечо и понёс домой. Вокруг и близко не было атмосферы праздника. Не было того восторженного предвкушения счастливых перемен, которое охватывало каждую семью в СССР в канун Нового Года. Американцы проводили его намного скучнее, чем мы – «День милиции».

В свете мерцающих фонарей тонкие пунктиры снежинок молча прочерчивали тёмное небо, вонзаясь в белый асфальт. Казалось, кто-то сверху, из чёрной бездны, прицельно бил из бесшумного автоматического оружия

длинными очередями белых трассирующих пуль по самым освещённым объектам крупнейшего города планеты. Каждая снежинка, как злая оса, больно жалила моё лицо. Свободной рукой я стал отмахиваться от них… Хотелось сжаться в точку, спрятаться, исчезнуть с этой улицы, из этого города, из этой страны.

Советская пропаганда стращала, что горек хлеб чужбины, а оказалось – горюч снег её!

Вдруг при повороте на нашу Bennett Avenue я увидел… ребецин Сару, идущую мне навстречу с продовольственной тележкой. Отступать было некуда. Как аист, трусливо прячущий голову в песок, я зарыл лицо между лапок моей ёлки и, ощущая многочисленные уколы иголок и взглядов ребецин, прошмыгнул мимо. Сердце билось, как у мальчика, решившего прогулять урок и внезапно встретившего у выхода из школы её директора.

Прокравшись к нашему дому, я юркнул в лифт, водрузил ёлку в угол и стал стряхивать с себя снег. В это время в чёрной широкополой шляпе, густо обсыпанной снегом, и в чёрном длинном до пят кафтане в лифт вошёл… Ребе Шнеерзон. Лицо его, недавно глубокомысленно-потустороннее, недовольно скривилось. Поздоровавшись, я понимающе ему улыбнулся: какой-то жлоб из нашего подъезда вместо того, чтобы вынести ёлку из тёплой квартиры на холодную улицу, выставил её в лифт – и нам с Ребе вдвоём теперь приходится из-за этого так мучиться.

Ребе не был следователем из ФБР, но снег на мне и ёлке выдал меня с головой…

Мы вышли раньше. Ребе с ёлкой поднялся на свой этаж, после чего я вызвал лифт и немедленно забрал её.

Пожар испугал бы Дину меньше, чем моё появление:

– За чего эта ёлка здесь забывается? – ужаснулась она.

Наутро лесную красавицу пришлось срочно выкинуть.

***

Итак, пошли галлюцинации...
Куда бежать из эмиграции?

Я стал лихорадочно обзванивать консульства бывших Советских Республик в Нью-Йорке.

Россия, Украина и Белоруссия ещё не имели программ возврата эмигрантов.

Латвийский консул поставил мне ультиматум: я должен выложить... 1 миллион долларов за получение латышского гражданства. Я заметил ему, что Швейцария, будучи намного привлекательней для эмиграции, и то просит только полмиллиона.

Литовский – сообщил, что в Литву допускаются только литовцы и члены их семей.

Узбекский – потребовал отказаться от американского гражданства. Но пока мои больные и нуждавшиеся во мне родители жили в Штатах, я не мог на это пойти.

Эстонский – с юморком произнёс: «А мы пока ещё под красными. Позвоните, эдак, через полгодика».

Это был тупик.

Как и в случае с ребецин Сарой, отступать было некуда.

Я приплыл! Пушкинский вопрос «Куда ж нам плыть?» (которым кончается стихотворение «Осень») неожиданно стал самым острым, самым главным и самым болезненным вопросом моей жизни.

Я пересел не в свой автобус –
Теперь сменить осталось... Глобус!

***

Пони бегает по кругу
И в уме круги считает.

Этой формулой, открытой еще Юнной Мориц, теперь описывалась вся моя жизнь. Душе, мечущейся по кругу: Деньги-Учёба-Работа-Дом, (сокращённо – ДУРДом) было душно. Что до количества кругов – то я давно уже сбился со счёта.

На работу меня упорно не брали. Одна знакомая, работавшая в отделе кадров крупной Нью-Йоркской фирмы, успокаивала меня:

– Понимаешь, когда мы даём объявление, что нужен программист, приходит более 200 писем с резюме. Из них мы оставляем 10, все остальные – немедленно летят в корзину для мусора: ни у кого нет ни времени, ни сил с ними разбираться.

– Т.е.

В корзине рядом – гений и дебил:
Те, на которых нет ни времени, ни сил!

– Вот-вот! Дальше из этих 10 мы выбираем недавнего выпускника колледжа не старше 25 лет. Во-первых, он согласен на самую низкую зарплату, во-вторых, вероятность того, что он заболеет (и, значит, мы должны будем оплачивать его лечение) в 25 лет намного ниже, чем в 52, в-третьих – он легко обучаем!

Тут милая дама не договорила. Когда менеджмент какой-то компании замечал, что её сотрудник приближается к пенсионному порогу, они срочно

брали юнца после колледжа в его группу и приказывали старожилу быстро ввести новичка в курс дела, т.е. передать тому весь свой многолетний опыт. Когда процесс обучения заканчивался, потенциального пенсионера (выжатого, как лимон) под любым предлогом немедленно увольняли, только чтобы не платить ему до конца дней честно заработанную им пенсию.

Но, оказывается, в моём клиническом невезении при устройстве на работу был скрыт тайный смысл.

Однажды я увидел объявление, что фирме «Global Ship Insurance», находившейся на 96-м этаже одной из башен Всемирного Торгового Центра, нужен программист. Я послал им резюме, и меня пригласили на интервью. Это уже была огромная удача: значит, я попал в заветную десятку!

Когда я пришёл, меня закрыли в отдельной комнате без окон, где я должен был пройти тест на компьютере. До эмиграции я много лет вёл курсы по программированию, поэтому я быстро ответил на все вопросы, набрав при этом 96%.

Новость мгновенно облетела всю фирму: оказалось, что до меня никто не поднимался выше 82%. Абсолютно незнакомые мне люди выходили, чтобы пожать мне руку и поздравить меня как будущего сотрудника их фирмы. Один из них даже скаламбурил:

– Поздравляю! На 96-м этаже вы набрали 96%!

Шеф завёл меня к себе. Из окон во всю стену открывался потрясающий вид на Нью-Йорк, на Атлантический океан и на соседний штат – Нью Джерси. Далеко внизу под нами проплывали лёгкие перистые облака и барражировали вертолёты береговой охраны (впервые я видел пилотов сверху!).

– Поздравляю! – шеф пожал мне руку. – Кстати, не могли ли бы вы найти ошибку в этой программе? – он протянул мне большую распечатку.

Ошибку я увидел сразу. Но логика и стиль написания самой программы, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Я исчеркал красным фломастером всю распечатку.

– Кто написал эту программу? – удивился я.

– Я, – смутился шеф.

На этом моя работа в «Global Ship Insurance» кончилась.

Через 12 лет в этот этаж врезался один из самолётов, захваченных террористами.

Мой Ангел-Хранитель, не раз спасавший меня до эмиграции, теперь спас меня уже на американской земле!

***

К моей большой радости, НАЯНА решила устроить семинар на тему «Как найти работу в Америке» специально для людей с высшим образованием.

В огромном конференц-зале большого небоскреба в даун-тауне Нью-Йорка собралось более пяти тысячи человек. Большинство – учёные, инженеры, программисты.

Молодая, красивая, изящно одетая американка без всякого вступления и предисловия подошла к большой доске, взяла в руки мел и молча нарисовала что-то весьма отдалённо напоминающее тюбик от зубной пасты и зубную щётку.

Широко улыбнувшись и показав свои ослепительно-белые зубки, она начала:

– Берём это, – она прикоснулась к «тюбику».

– Отвинчиваем это, – её пальчики нежно легли на его «крышку».

– Выдавливаем содержимое этого на это, – ручка изящно коснулась «зубной щётки».

– Затем открываем рот, – мы вновь увидели её прекрасные зубки, – и начинаем водить этим вдоль губ так, чтобы зубчики касались зубов.

И как человек, обладающий Абсолютной Истиной и только один раз в жизни, сейчас и здесь решивший поделиться ею со всем Человечеством, она торжествующе оглядела зал:

– Без этого – вам в Америке работу не найти!

Этот был «Мойдодыр» по-американски.

Главное – зубная паста!
А без пасты – всем нам баста!

***

– Кэрон Шлуэттэр забывается за вас, – радостно сказала Дина.

Надо сказать, что соседи Дины проявляли к нам тот интерес, с каким детки относятся к диким зверюшкам в зоопарке (после урока по применению зубной пасты нас это уже не удивляло). Нам же общение с аборигенами давало бесценную языковую практику. И мы пошли к Кэрон.

Высокая, статная блондинка встретила нас в квартире, до потолка заваленной книгами по истории. Оказалось, она преподаёт историю в Нью-Йоркском университете.

На экране телевизора показывали вторжение гитлеровских полчищ в Польшу. Кэрон объяснила, что сегодня, 6-го июня, Америка отмечает D-Day – день высадки американского десанта в Нормандии в 1944 году.

Я с готовностью поддержал разговор о войне, о том, как трудно далась нам эта победа, и что почти в каждой советской семье есть жертвы, что СССР заплатил за победу жизнями более 25 миллионов человек.

Что-то в глазах Кэрон заставило меня резко осечься.

Вместо гостеприимной радушности – там была сталь, вместо теплоты – лёд.

– Какая победа? Какие жертвы? Какие 25 миллионов?

Тоном, с каким усталые педагоги раздражённо разговаривают с отпетыми второгодниками, Кэрон стала объяснять нам, что только великая Америка смогла разгромить Германию, что высадка американского десанта в Нормандии – была величайшим событием, переломившим ход всей Второй Мировой Войны, что гибель 400 тысяч американских солдат – это и есть самые страшные потери в этой кровавой войне.

Как и в случае с Ребе Шнеерзоном, мы молчали, опустив головы.

Как бы в подтверждение её слов над Нью-Йорком, над его небоскрёбами, на малой высоте с диким рёвом стали проноситься боевые самолёты. На экране показывали повторение высадки десанта. Бравые морпехи брали... все крупнейшие пляжи Америки. Диктор, захлёбываясь, говорил о величии единственной страны, несущей свободу и демократию всему миру. Ни слова не было сказано об СССР.

Это Америка – великая, могучая и справедливая страна – одна, без всяких союзников, сокрушила Третий Рейх Гитлера!

«Этот День Победы порохом пропах...» –
Нет тебя. И твой рассеян прах.

***

– Папа, а Гитлер хороший?

– ??? ??? ???

– Наш учитель риторики попросил найти у Гитлера хотя бы три хорошие черты...

Наша дочь поступила в лучшую школу Верхнего Манхеттена. До эмиграции она закончила 3-й класс, а здесь по уровню развития её взяли в 5-й.

– Но ты понимаешь, этот изверг повинен в смерти более 25-и миллионов граждан СССР.

– Папа, ну как я приду с невыполненным домашним заданием?

Скрепя сердце, я выдавил:

– Ну ладно, пиши, – наверняка, он перед сном чистил зубы.

– Ещё!

– Он любил маленьких деток. Немецких деток.

– А третье?

– По воскресеньям он посещал кирху.

– Пап, ты – умница! – дочурка удовлетворённо захлопнула тетрадь.

Как хорошо, что Гитлер есть у нас:
Его сегодня славит целый класс!

***

В спортклубе Колорадо Спрингс, маленьком городке на Среднем Западе, ко мне подошёл холёный американец средних лет и начались обычные, абсолютно ничего не значащие приветствия и улыбки до ушей. Ошибочно признав во мне по акценту немца, он деловито, по-американски, сразу же перешёл к делу.

Оказалось, никакого Холокоста в Европе в годы Второй Мировой Войны не было!

Всё это выдумки сионистов!!

И вообще, когда в Америке арестовали его хорошего друга, примерного семьянина, активного прихожанина их кирхи, и обвинили в смерти многих сотен тысяч евреев, они с друзьями наняли в Вашингтоне лучшего адвоката, который немедленно вылетел в Европу, в концлагерь Освенцим. Там он самым тщательным образом обследовал все помещения, не имевшие окон, вентиляционных и других вытяжных отверстий, и нигде даже следов газа Zyklon B не обнаружил.

Друга оправдали!!!

Я обязательно напишу об этом книгу.

И начну её с посвящения: «Моему народу, не имевшему адвокатов в годы Холокоста».

***

Лавина неразрешённых (а порой и неразрешимых) проблем делала психику эмигрантов неустойчивее и уязвимее.

И тогда, как коршуны, налетели из России целители, предсказатели, святые. Прибыл даже сам… Иисус Христос. Никто не видел его паспортных данных. Но по фотографии было видно, что начальными приёмами грима он уже овладел.

Всем им нужно было только одно – деньги!

Но были «целители» и пострашней. Этим – нужны были ещё и души.

Было бесконечно больно видеть, как эти садисты от психологии корёжили души растерянных эмигрантов, подминали их под себя, разводили их семьи, обирая при этом их кошельки.

Народ понял – в одиночку с адаптацией (встраиванием?) не справиться и стал объединяться в группы, группки, группировки, которые возникали, как грибы после дождя.

В это трудное время мы встретили Лену Левенталь.

Выпускница психологического факультета МГУ, она организовала бесплатную «Группу психологической поддержки» и изо всех сил старалась облегчить процесс нашего вживания в Америку.

– Это совсем другая страна – здесь в школах на переменках деткам раздают презервативы, – успокаивала она нас.

Однажды Лена опубликовала большую и глубокую статью в главной эмигрантской газете «Новое Русское Слово» о многочисленных и болезненных проблемах нашей эмиграции. Статью предварял эпиграф:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь для себя обрели.

Александр Блок

Я вспомнил это стихотворение.

Оно кончалось словами: «...никто не придёт назад».

Фактически, это было стихотворение-пророчество. По своей силе оно не уступало пророчествам Мишеля Нострадамуса.

Общим между пророчеством Блока и пророчествами Нострадамуса было то, что оба они были написаны в стихотворной форме.

С другой стороны, было много различий.Нострадамус в своих пророчествах использовал французский, итальянский и латинский языки; из боязни инквизиции, он так зашифровывал свои катрены, что они были понятны только ему одному; он заявил, что события, описанные им, станут понятны только после их свершения.

Это давало потомкам абсолютную свободу в толковании его предсказаний.

Блок своё пророчество написал на чистейшем русском языке; в описании будущего он был предельно ясен; он сделал всё, чтобы его пророчество было понятно и современникам, и потомкам сразу же, задолго до его свершения.

В этом-то и заключался весь ужас – Блок приговорил всю нашу эмиграцию на пожизненное заключение в самом крупном в мире трудовом лагере усиленного питания.

Арканзас, и Аризона,
И все Штаты – это зона!

***

И тут во мне всё взбунтовалось! Первые месяцы я воспринимал эмиграцию как интурист. Ну, в крайнем случае, это была поездка в Норильск – на заработки!

Так начались мои бесконечные споры с Блоком.

Они всегда начинались по одному и тому же сценарию: совершенно неожиданно, в любое время дня и ночи, в голове начинало звучать это стихотворение. Я называл это: «Пришел Блок».

В мою задачу входило любой ценой не дать ему дойти до последней строчки. Времени у меня было мизерно мало, и я в лихорадочной поспешности начинал изыскивать достойные контрдоводы.

Однажды он «пришёл» во время собрания. Шеф обратился ко мне с вопросом, который я даже не услышал, т.к. объяснял «Блоку», что, несмотря на американскую славу, одессит певец Вилли Токарев всё же вернулся в Россию.

Меня с треском выперли.

Во второй раз я спокойно начал переходить улицу на красный свет, т.к. в это время рассказывал «Блоку», что Майя Плисецкая, живущая по приглашению короля Испании в Мадриде, всё-таки имеет квартиру в Москве, которую часто навещает.

Дикий визг тормозов, раскалённый бампер машины, с трудом остановившейся в сантиметре от моих колен, бешеная ругань водителя медленно вернули меня на землю…

В третий раз он зазвучал, когда я вёл машину по скоростной дороге. Я попытался объяснить ему, что Михаил Казаков, даже имея свой театр в Израиле и ставя постановки на иврите, всё же вернулся в Москву.

Говорить и одновременно вести машину было неудобно: я затормозил и... резко отлетел вперёд – сзади в меня врезался большой грузовик.

Теперь я праздную два дня рождения...

С «Блоком» – это стало ясно –
Спорить трудно и опасно!

***

В отличие от меня, «Блок» не был так наступательно-активен. Но он не был и философски-пассивен.

Спокойно, со знанием своей правоты, он начинал чтение своего стихотворения, пытаясь дойти до последней строки, но где-то посередине я, сильно волнуясь, нервно его прерывал.

Всё это приводило к большим затратам моих душевых сил.

К массе объективных трудностей эмиграции прибавилась ещё одна субъективная – «Блок».

А есть ли в мире уголок,
Которого не знает «Блок»?

***

Отец всё время болел.

Чаще всего его из дома сразу же забирали в реанимацию. После этого маме становилось так плохо, что вторая «Скорая» забирала теперь уже её.

Было большой удачей, если их обоих помещали в один госпиталь.

Положение отца было критическим: в бреду он разговаривал со своими родителями... Я, забросив всякие поиски работы, все дни и ночи проводил в его палате, выполняя роль переводчика и сиделки. При этом надо было не забывать про мать, и я мчался к ней, чтобы хоть немного приободрить её.

Однажды, вернувшись, я застал отца в сознании.

– Где ты так долго был? – недоуменно спросил он.

Но не мог же я ему сказать, что его любимая жена тоже очень больна, что я ехал к ней в другой госпиталь, на другой конец Нью-Йорка. Я стал что-то невразумительно лепетать, что я проголодался, что я долго искал кафе, что в кафе была огромная очередь.

Никогда не забыть мне его взгляда...

***

Утренний Нью-Йорк напоминал склад огромного супермаркета.

На тротуарах стояла мебель всех видов и любого качества, её разбавляли стиральные, сушильные и посудомоечные машины, газовые и электрические плиты, компьютеры, мониторы, принтеры, телики, видики, радиолы, проигрыватели; на дереве в прозрачном чехле на плечиках висела... женская дублёнка (меня поразило, что перед тем, как выкинуть носильные вещи на улицу, американцы тщательно их выстирывают или сдают в химчистку).

Практически, здесь можно было найти всё! Оказалось, американцам, часто меняющим работу и города, намного выгодней обзавестись хозяйством на новом месте, чем везти всё своё имущество с собой.

По мусору можно было судить об уровне развития этой цивилизации.

Я выбрал цветной телик и тумбочку под него. Вдруг откуда-то издалека, с другой стороны улицы, на меня крупной рысью понёсся какой-то плотный мужик:

– Это моя тумбочка! – запыхавшись, нахраписто выпалил он по-русски.

– ???

– Я первый её увидел!

В какой бинокль её увидел он? –
Пусть с этим разбирается ООН!

***

Денег на кабельное ТВ у нас не было, но я нашёл на крыше одну пустующую клемму на общей антенне и тайно подключил к ней наш первый телик. Мы – в радостном ожидании: это должно быть прекрасным подспорьем в изучении английского языка!

На экране – свадьба: вот-вот должна появиться невеста. А пока два упитанных бородатых мужика на сцене полностью владеют большим залом. Похоже, это жених со своим свидетелем.

И вдруг – вопрос из зала:

– А кто из вас – муж, кто – жена?

–А это неважно, – радостно парируют они, и зал заходится в восторженных аплодисментах!

Он – невеста, он – жених:
Это ж – норма, а не свих!

***

Мы переходим на другую программу.

По бесконечной прерии на породистом скакуне лихо мчится красивая девушка. Ей навстречу на не менее породистом скакуне летит не менее красивая наездница. Обе резко, на скаку, останавливаются.

Слышны возмущённые возгласы. (Пока ничего непонятно).

Первая девица выхватывает пистолет! (Ага, значит, они не поделили парня).

Вторая, бросив поводья и грациозно гарцуя, выхватывает два!! (Сейчас будет море крови).

Но не тут-то было: непонятно откуда прискакавший краснолицый широкоплечий шериф выхватывает огромный кольт!!! (Сейчас будет океан крови).

Он что-то злобно кричит и для убедительности стреляет в воздух. Девицы с руганью разбегаются.

Одна минута экранного времени, трое действующих лиц, четыре «ствола» – кажется, я открыл «Закон умножения эмоций», по которому будут строиться все американские фильмы, где будет исповедоваться «Культ кольта».

Как украшает туалет
Восьмизарядный пистолет!

***

Я усиленно учу английский.

В Верхнем Манхеттене, на углу Бродвея и 181-й стрит, есть китайская

лавочка, владелец которой каждый вечер выкидывает прямо на тротуар большую гору непроданных газет. Я поднимаю пухлую «New York Times», и мой взгляд наталкивается на статью о серийном убийце. Он охотился на мальчиков. Под Нью-Йорком у него был гараж с земляным полом. Раскопав его, полиция обнаружила более 40 тел. Недавно состоялся суд, и он был приговорён к пожизненному заключению. Казалось бы, с ним всё ясно.

Но корреспондент решает провести собственное расследование. Он стучит в дверь каждого из соседей и расспрашивает о Джоне (так звали убийцу). Все соседи единодушны: Джон – прекрасный парень! И вообще, перед тем, как изнасиловать и убить очередного мальчонку, он долго катал его на своём грузовичке.

На все эти прекраснодушные воспоминания отводится большой подвал самой престижной газеты Западного полушария.

Позже я узнал, что в американских масс-медиа это называется «альтернативным способом подачи информции».

Убийца Джон приговорён.
Но, Боже, как прекрасен он!

***

Вот уже более года я был безработным.

Найти работу было очень трудно. Потерять – элементарно.

Вся Америка жила в долг, поэтому страх потерять работу был намного сильнее страха смерти! Это выяснили американские социологи. Их исследования показали, что после потери первой работы психика человека никогда не вернётся в исходное состояние из-за колоссального стресса, т.е. до конца жизни останется ущербной.

Этот же стресс был причиной резкого ослабления памяти, внимания, концентрации, что часто приводило к потере следующей работы... Круг замыкался, и разомкнуть его было очень трудно.

Нас учили, как найти первую работу в Америке:

– Вы должны продавать себя.

Агенты по «охоте за головами», звоня мне, так прямо и спрашивали:

– Вы ещё на рынке?

Мысль о том, что я должен продаваться, просто шокировала.

Такой же по силе шок я испытал в институте, на военной кафедре. Нас готовили командирами взводов. На одной из лекций по пересечению радиоактивной местности после ядерного взрыва преподаватель раздал нам специальные таблицы, по которым мы должны были рассчитать, сколько солдат из нашего взвода погибнет...

Интересно, а как составлялись эти таблицы?

И применял ли их кто-нибудь в Чернобыле?

Тогда, прямо на лекции, меня чуть не вырвало. Я немедленно сообщил отцу, что бросаю институт, и ему стоило огромных трудов уговорить меня остаться.

Нас учили: эмигрант должен брать любую первую работу. И, как в «отказе», я видел, что физики шли в ночную смену в прачечную, кандидаты наук – официантами в кафе, учёные – в охранники.

Какое счастье, что 12 лет я прожил в «отказе»: эта закалка помогла мне выстоять в самых немыслимо-критических ситуациях!

Итак, да здравствует «отказ»,
Ведь он спасал меня не раз!

***

– Никогда не пиши в резюме, что ты так много знаешь! Любой менеджер будет в ужасе от мысли, что руководство, взяв тебя за намного меньшие деньги, поставит тебя на его место, – поучала меня наша хорошая знакомая – Майя Голуб, живущая уже 30 лет в Америке.

Я немедленно переписал резюме, сильно уменьшив свои знания и заслуги. Но оказалось, что хорошее резюме – это полдела: нужен был ещё американский опыт работы. А чтобы получить этот опыт, надо было устроиться на работу. Это был замкнутый круг.

Однажды её муж подсказал:

– Так дай ты ему этот американский опыт!

У Майи была компания, которую я в глаза не видел! Тут же было сооружено резюме, где говорилось, что, работая в этой компании, я проявил себя как самый инициативный, самый ответственный, самый исполнительный работник, который даже в условиях дикого цейтнота (и прессинга свыше) всегда находит наилучшие решения, что не раз спасало компанию! И вообще, компания своим процветанием, благополучием и самим существованием – обязана только мне одному!

Через день я получил работу в Атланте, штат Джорджия, на самой крупной авиакомпании мира – Delta Airlines.

Друзей, врагов я слышу ропот:
«Где раздобыть подобный опыт?»

***

Меня приняли на годичный проект.

Это был отличный старт!

Когда я в первый день явился на работу, в моём кубике я увидел ещё

двух американцев-программистов. Я изобразил типичную американскую улыбку на пол-лица, означавшую «У НАС ВСЕГДА ВСЁ ОК!», и бодро приветствовал их…

В ответ – т и ш и н а...

Я подумал, что они не расслышали моих слов, и поприветствовал их погромче – тот же результат.

«Может, у меня такой плохой английский», – решил я и в третий раз повторил свои слова – никто даже голову не повернул в мою сторону.

Мне объявили заговор молчания!

И это было ещё не самое худшее: в другом кубике мой русский знакомый не понравился соседу-американцу. Тот «настучал» руководству, что от русского... несёт водкой! Не помогли объяснения, что у него больная печень, и поэтому он уже много лет вообще не принимает спиртного, что компания может обратиться в полицию и проверить уровень содержания алкоголя в его крови – не разбираясь, парня немедленно уволили.

Обычно я оставался на работе допоздна. Все выходные я проводил там же: вокруг не было ни души, поэтому очень легко работалось. Таким образом за год я создал пакет программ, сильно увеличивавший безопасность полётов. Отныне компания использовала его во всём мире.

Для программистов компания отвела три огромных четырёхэтажных корпуса, стоявших в виде буквы «П». Сотни программистов активно трудились в своих кубиках. При этом на разработку алгоритмов, на написание и отладку самих программ в день уходила масса бумаги: её было столько, что каждый день приезжали три грузовичка для вывоза бумажного мусора.

Однажды в воскресенье жена приехала ко мне на работу. Она написала стихотворение и сделала одну копию на ксероксе. Вдруг, откуда ни возьмись, мимо нас продефилировала девушка из соседней группы. Её внимание привлекло это стихотворение:

– Что это за язык? – живо поинтересовалась она.

Узнав, что это русский язык и что моя жена – поэтесса, девушка очень мило пощебетала с нами и, одарив нас широкой американской улыбкой, исчезла.

Наутро, в понедельник, шеф вызвал меня к себе:

– Борис! Что вы себе позволяете? – гневно выпалил он.

– ??? – покраснел я.

– Вы использовали нашу бумагу в личных целях! Вы уволены!

Так я впервые столкнулся со всеамериканским «стуком».

«Стук», как густой ядовитый дым, накрывал всю Америку, заползая в каждый город, на каждую улицу и в каждый дом.

Школьникам надо было «стучать» на родителей и одноклассников, студентам – на сокурсников, сотрудникам компаний – на сослуживцев.

Дочь наших соседей, отправляясь на выпускной бал, захватила в машину своего одноклассника. Всю дорогу они весело болтали, и девушка, увидев

знак «STOP», нажала на тормоза; но остановка получилась не совсем полной. На улице не было ни души.

Весь вечер парень танцевал с ней, но когда она ненадолго отлучилась, чтобы поправить причёску, он быстренько позвонил в полицию и сообщил о серьёзном нарушении правил дорожного движения. Его подруге выписали большой штраф. Таких денег у девушки не было. Машину пришлось навсегда оставить.

В каждой компании в укромном уголке (обычно возле туалета) ставился чёрный ящик с прорезью сверху, напоминавший нашу урну для голосований. На ящике красовалась невинная надпись: «Для предложений». Далее давалась гарантия: «Вся информация – конфиденциальна». Я называл его «Копилкой народной мудрости».

Дошло до того, что «стучать» призывались целые города. Газета «Chicago Tribune» призвала всех жителей пройтись по своей улице, посмотреть на машины соседей и, если на переднем стекле не будет знака об успешном прохождении теста на чистоту выхлопных газов, немедленно сообщить об этом в полицию. Номер бесплатного телефона прилагался, конфиденциальность – гарантировалась.

Жизнь – удивительная штука:
В ней скорость «стука» выше звука!

***

Итак, я получил волчий билет: при устройстве на любую следующую работу я должен был бы сообщить, почему меня выперли с предыдущей... Пособие по безработице мне не светило: его не дают тем, кого выгнали с работы.

Ситуация была убийственной!

Пришлось вновь обратиться к Мае: теперь мы состряпали резюме, где говорилось, что до последнего дня я всё ещё успешно тружусь на благо её компании.

Через три дня я получил работу на крупнейшей телефонной компании мира – MCI – в Колорадо Спрингс. Рядом находился «Сад Богов» – уникальный заповедник огромных красновато-бурых скал, бесплатно переданный индейцами городу с условием, что город будет пускать туда людей тоже бесплатно.

Это были годы напряжённого труда. Все накопленное Америкой программное обеспечение нуждалось в переделках в связи с переходом в третье тысячелетие. Я разработал алгоритм, позволявший в десятки раз снизить время поиска «скользких» мест в программах. На общем собрании руководство объявило мне благодарность и призвало всех программистов равняться на меня.

Работая над одной программой, я обнаружил в другой программе (которая активно взаимодействовала с моей) грубую ошибку. Когда я обратился

к шефу с просьбой её исправить, он неожиданно остановил меня:

– Это не наш проект, – мотивировал он свой отказ.

Я был поражён: в одной из самых технологически развитых стран мира руководство официально санкционировало... сбойную работу программ!

Американцев с детства приучали быть честными и самоотверженными на работе! Но владельцы компаний были абсолютно свободны от этого.

Однажды, вернувшись с ланча, мы увидели, что наши магнитные пропуска не работают. В этой же ситуации оказались тысячи других программистов. Наконец, нам сообщили, что все мы уволены. При этом был грубо нарушен закон: фирма должна была сообщить нам об этом за две недели.

Мы стали просить охранников, чтобы нас на минуточку пропустили в здание забрать свои вещи. Не тут-то было: «Вам их вынесут», – был ответ. Руководство компании безумно боялось, что в последний миг мы сможем запортить наши программы...

Рядом со мной в кубике работал один индус.

Две недели тому назад он получил из Индии страшное известие: во время сильного землетрясения погибли его родители. Немедленно он засобирался домой.

Со слезами на глазах руководство его отпустило.

Вернувшись, он растерянно стоял рядом с нами в толпе уволенных, не зная, что делать дальше. В конце концов, он должен был улететь обратно в Индию. Таким образом, он дважды напрасно пересёк океан!

Но вся соль была в том, что руководство компании решило уволить всех нас ещё задолго до его отлёта... Ему (и нам) об этом не сообщали, чтобы мы с полной отдачей трудились до последней секунды.

Позднее стало известно, что MCI – украла более 6 млрд долларов! Все наши сбережения, вложенные в фонд компании, испарились!

Долго шло следствие, ещё дольше – суд.

Приговор суда был страшен: главный бухгалтер получил два года лишения свободы без конфискации имущества, из которых он отсидел – один.

И прокурорам невдогад:
Где спрятан каждый миллиард!

***

– Приходя на работу, первым делом надо следить за расстановкой сил: даже в стаде коров есть непрерывные перемещения, – зло поучал меня один ленинградский программист. Его раздражало во мне всё, а особенно – моё абсолютное неумение следовать его гениальным (как он считал) советам...

Работу я знал. Но, оказалось, что намного важнее было искусство дипломатии, в котором я был полный дилетант.

Третья волна эмиграции мощно перемешивала всех и вся. Вчерашние москвичи, ленинградцы оказывались в плотном окружении провинциалов. Если в компании в одном из отделов уже работал «русский» (всех выходцев из СССР здесь называли «русскими»), то при приёме на работу второго – руководство старалось определить его туда же.

Но не мог же нормальный москвич опуститься до равноправных отношений с провинциалом! Американский менеджмент был в шоке: между двумя «русскими» возникала тихая вражда (я это называл «Эффект Москва-Бердичев»). Но если провинциал, в силу личностных достоинств, забирался выше по служебной лестнице, – вражда становилась открытой и непримиримой. Всё это, разумеется, сильно мешало работе.

Дошло до того, что газета «New York Times» посвятила этому явлению огромный подвал, где предупреждала всех менеджеров Америки о неразгаданных таинствах русской души...

Но это – не для менеджеров США:
Понять, что значит – «русская душа»!

***

Следующая моя работа была в Чикаго, где я работал на Intellix – крупнейшую компанию, создававшую «Искусственный интеллект». Наши программы выдавали информацию, носившую предсказательный характер, что позволяло менеджерам в разных сферах (от медицины до космоса) принимать более обдуманные и грамотные решения.

Однажды я подал им идею, как обезопасить «Интеллект» от ошибок. Это позволяло сэкономить большое количество времени, сил и средств

Шеф объявил мне благодарность.

Когда я пришёл домой и похвалился об этом жене, она побелела:

– Дай Бог, чтобы тебе это обошлось...

Наутро у нас раздался звонок:

– Мистер Борис?

– Да.

– Вам больше не следует выходить на работу...

– А в чём дело?

– Мы никому не любим быть обязанными, – сухо объяснил мне шеф.

***

Лене в Чикаго повезло: она устроилась секретаршей на большую фабрику столярных изделий.

Документов было много, но к этому времени у неё был хороший английский,

поэтому работу свою она делала без труда.

Владелец фабрики только изредка появлялся на работе, на бегу давал кое-какие указания и на неделю исчезал, предпочитая проводить время с женщинами, а не с деревообрабатывающими станками.

Однажды он на мятом огрызке бумаги коряво нацарапал Лене адрес, куда послать очередную партию товара.

Он лучше б изъяснялся матом,
Чем так корябать на огрызке мятом!

Поэтому на сопроводительных документах она в графе «Штат» поставила «CA» (Калифорния) вместо «GA» (Джорджия).

После этого крупная партия гробов была отправлена неизвестно кому, а Лена – домой!

Мне вспомнилось неоконченное стихотворение Маяковского:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
шагать четвёркою своих дубовых ножек.

Но сейчас оно прозвучало чуть-чуть иначе:

Я знаю силу букв: у всех своя судьба.
Иная буква очень много может.
От букв таких срываются гроба
шагать туда, куда шагать негоже.

***

Теперь мы оба были без работы и без денег.

К счастью, мне удалось устроиться в Сан-Франциско на IBM – крупнейшую компанию по производству программного обеспечения.

Работа была сложной и интересной.

Однажды мне надо было применить в моей программе много макрокоманд, каждая из них содержала свыше 250-ти параметров. Держать их все в голове не было ни малейшего смысла. Я спросил у шефа, где находится справочник по программированию.

На следующий день меня уволили.

Я ничего не понимал. Потом один программист, попавший в сходную ситуацию, рассказал мне, что менеджер на прощание ему влепил:

– Вы пришли сюда работать, а не учиться!

Миной замедленного действия было обращение к любому сотруднику компании с любым (даже самым безобидным!) вопросом...

Кто бы знал: один вопрос –
И карьера – под откос!

***

Прошло 16 лет.

За это время я потерял 16 работ и сменил 10 городов.

Была непрерывная крысиная гонка и стремление изо всех сил удержаться на плаву.

В перерывах между работами я... искал работу – так что ни о каком отпуске речи быть не могло.

Но если отпуск мне полагался во время работы (что бывало крайне редко), то длился он аж 5 дней, которые я тратил на полёты к родителям.

Однажды в центре Чикаго я встретил нашу хорошую знакомую – Соню Полонскую. Её семья «стояла» очень крепко: у них было три больших дома и успешное совместное торговое предприятие с Россией.

Обменялись новостями. И вдруг она мне говорит:

– Знаешь, вчера исполнилось 20 лет со дня нашего прибытия в Америку.

– Поздравляю!

– Обожди: я просканировала свою жизнь здесь и с удивлением обнаружила, что за всё это время я ни разу не улыбнулась...

Эта было именно то, о чём я в последнее время всё чаще и чаще задумывался.

Не совершил ли я ошибки:
Шестнадцать лет – и ни одной улыбки?

***

Всё это не могло пройти бесследно – и я загремел в госпиталь.

Температура зубами мёртвой хваткой вцепилась в отметку 40.5 градусов и не собиралась сползать оттуда уже третий день.

Врачи не могли поставить мне никакой диагноз: поэтому, на всякий случай, они начали цистернами закачивать в меня антибиотики; но температура и не думала сдаваться!

Зато я поставил себе диагноз уже давно: «Душе – душно!»

Душа отказывалась существовать в «духовной пустыне» – так назвал Америку один священник из Русской Церкви в Нью-Йорке. Он говорил,

что наши эмигранты прекрасно знали, откуда они эмигрируют, но совершенно не знали – куда...

Врачи, имевшие одну цель: выкачать из пациента как можно больше денег, решили провести ряд сложнейших тестов над моим организмом. Меня отдали во власть новейшей американской аппаратуры.

– У вас два сердца!! – радостно сообщила лаборантка-негритянка после просвечивания моей грудной клетки ультразвуком.

Через день её восторгам не было конца:

– У вас три почки!!!

Если бы не высоченная температура – самое время было бы возгордиться тем, что я – редчайший экземпляр Homo Sapience!

Я был единственный на всей планете –
Как Далай-лама среди гор в Тибете!

***

Свободного времени было навалом, и тогда, лежа в лучшем Чикагском госпитале «Mount Sinai» с двумя сердцами, тремя почками и температурой за 40С, я понял, что обязательно напишу книгу рассказов-былей об эмиграции.

Больше не было сил молчать.

Мольба Булата Окуджавы:

...дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке.

точнейшим образом описывала моё тогдашнее состояние.

При не спадающей температуре и капельнице в каждую руку писать было трудно, поэтому я мысленно стал схематично прикидывать план моей будущей книги.

Итак, два сердца и три почки...
А мой девиз: «Ни дня без строчки».

***

Название пришло мгновенно: «Над Канадой небо сине».

И так же будет называться мой первый рассказ.

В Санкт-Петербурге жил наш дальний родственник, который с приходом перестройки очень быстро сориентировался. У разоряющихся сталелитейных заводов он стал за копейки скупать высокосортный прокат и, как лом, продавать одной посреднической украинской фирме в Детройте (при

этом в России и в Украине директора заводов, начальники таможен, начальники портов: всё было «схвачено»!). Эта фирма, служила прикрытием для отмывки бешеных денег: сталь с неё поступала на американский рынок уже по международным ценам.

За год он стал миллионером.

Приезжая в Штаты, в разговорах с нами он был предельно откровенен:

– Эти идиоты-американцы опять дают России новый заём на выгодных условиях, – со смехом сообщал он. Мы с братвой собрались и чётко, до одного доллара, расписали: кому сколько из этого займа достанется...

– Казна не получит ни одного доллара! – гордо, с самодовольством нувориша, информировал нас он...

Как все «нормальные» люди его круга, он обзавёлся телохранителями, крутой «тачкой» и виллой в Болгарии у моря, на которой его жена по полгода проводила с детьми. В его отсутствие на эту виллу часто приезжал его друг – руководитель группы инженеров из престижного НИИ, заводила любой компании, бард, прекрасно владевший гитарой и с чувством исполнявший свои и чужие песни. Надо ли удивляться, что с этим другом у его жены вот уже много лет были более чем дружеские отношения...

Вскоре (как это обычно бывает) земля загорелась под ногами нашего бизнесмена. Ему пришлось срочно с семьей «эвакуироваться» в Канаду... Там для начала он купил один завод (благо, все свои миллионы он заблаговременно перевёл в Швейцарию).

Всё было ОК!

Но его жена была бесконечно несчастна: мучениям её не было конца, пока она, наконец, не собралась с духом и не рассказала мужу, что давно уже его не любит, что она вот уже много лет живёт с его другом, и мечтает только об одном: как бы поскорее с ним соединиться.

Совершенно неожиданно, вместо того, чтобы разыграть последний акт «Отелло», наш родственник повёл себя в высшей степени благородно!

Любишь другого? – Вот тебе развод!

Хочешь с ним поскорее соединиться? – Он покупает другу авиабилет из Санкт-Петербурга в Канаду!

Друг не знает города, не говорит по-английски? – Он бегает вместе с ним по официальным инстанциям, ускоряя другу процесс вживания в канадскую жизнь!

Молодым негде жить? – Он оставляет им свой дом (где он жил с бывшей женой) и покупает себе другой!

У друга нет машины? – Он отдаёт им свою, а себе приобретает другую!

У друга нет работы? – Он берёт его рабочим (других ставок нет) на свой завод!

Друг не умеет водить машину? – Он по утрам заезжает за ним, а по вечерам отвозит домой!

Жизнь стала налаживаться.

Но через пару месяцев друг почувствовал себя не в своей тарелке. Из

руководителя группы он превратился в простого работягу. Работа так выжимала его, что, приходя домой, он просто падал на диван. Не было сил ни учить английский, ни учиться водить машину. О том, чтобы собраться вместе тёплой компанией и попеть бардовские песни не могло быть и речи: не было никакой компании.

К его огромному удивлению, общение (которое в России было естественным, как воздух!) оказалось самым страшным дефицитом на американском континенте.

И если быть честным перед собой, то та любовь, которая из-за океана сияла ему путеводной звездой, вблизи как-то померкла...

Ещё – друг был эстет, и его страшно угнетала... архитектура: если отойти на несколько блоков от центра города, то начиналась однотипная, безликая, «одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, которая доставала его до печёнок. Какой разительный контраст с его блистательным Санкт-Петербургом!

Он часами лежал на диване (лицом к стене): не хотелось ни есть, ни смотреть телевизор, ни разговаривать с милой. Будь его воля – он бы давно рванул обратно, в Санкт-Петербург, где его ждали мать, друзья, работа. Но любимая уговаривала его остаться: через пару лет жизни в Канаде он должен был получить канадское гражданство.

А тем временем в жизни нашего миллионера тоже произошли перемены: он съездил в Москву и привёз оттуда молодую красавицу-жену. Теперь он по утрам отвозил её в колледж, по вечерам – они ехали в фитнесс-клуб, в кино, в рестораны. Физически он не мог по утрам завозить друга на завод, а по вечерам забирать его оттуда.

Друг купил велосипед и в любую погоду стал ездить на нём на работу. Однажды тёмным, зимним вечером, когда он усталый в густом тумане по обледеневшим скоростным дорогам возвращался домой, его сбила машина...

Новый русский организовал похороны друга по высшему разряду. Он оплатил приезд его матери.

А молодая вдова сквозь слёзы сообщила нам, что её муж давно уже не хотел жить. И хоть это не было самоубийством, но дни её любимого были сочтены. Это была её самая страшная ошибка: надо было плюнуть на будущее канадское гражданство и отпустить его (или уехать вместе с ним) в Россию.

***

Семья москвичей из трёх человек прибыла в Чикаго.

Родители вскоре получили хорошую работу в центре города в самом высоком небоскребе Америки – «Sears Tower».

Всё было хорошо, но через год их сын – ученик 7-го класса – сообщил, что больше жить в Америке он не будет. Мать просто отмахнулась от него.

Вскоре им позвонили из госпиталя и сообщили, что их сын находится в

реанимации т.к. на школьной перемене он выскочил из школы и бросился под автобус.

Родители договорились: если сын умрёт – они выбросятся из окна этого небоскрёба. Через пару минут им сообщили о смерти сына.

Мать, распахнув окно, первой прыгнула вниз.

Отца – сослуживцы в последнюю секунду оттащили от окна.

В течение одного часа он потерял всё, во имя чего он эмигрировал и во имя чего стоило жить.

Я пересекался с ним пару раз на очередной «Группе». Не было сил смотреть ему в глаза – такая там была пустота и бездна.

Я его никогда раньше не знал, никогда не был у него дома. Но я почему-то ясно видел, как он засиживается на работе допоздна (только, чтобы не идти домой). Затем он медленно бредёт в сторону дома, не пропуская ни одного магазина, ни одной лавочки, чтобы хотя бы ещё чуть-чуть побыть на людях. Вот он заходит в пустую квартиру – его встречает гробовая тишина и темнота. Поскорее он включает все лампы и не знает, куда себя деть.

Его окружают вещи самых дорогих, но уже неживых людей. Не хочется ничего делать. Пытался напиться – не помогает... Завтра рано вставать, но лечь в двуспальную кровать – это выше его сил… Всю ночь он сидит в кресле, глядя на семейный портрет, погружённый в воспоминания.

На фасаде его дома до утра горит только одно окно…

Этот рассказ я назову «Чикагских окон негасимый свет».

***

Каждый год мы меняем город...

Делаем мы это в поисках работы. На этот раз мы переезжаем из Колорадо Спрингс в Лос-Анджелес.

Я звоню в телевизионную компанию (её офис находится в Нью-Йорке), чтобы прервать наш контракт. Но что-то мешает оператору принять мой заказ. Более того, от американской вежливости и деловитости там не остается и следа: он, не извиняясь, всё время куда-то исчезает; где-то «за кадром» слышны воспалённые возгласы и вскрикивания.

Наконец, он вроде бы возвращается, но вдруг я слышу его подавленное:

– О Боже! Эта башня...

– Что за башня? – спешу я поддержать разговор

– Эта башня, эта башня, эта башня, – убитым голосом повторяет он.

– Что за башня? – участливо переспрашиваю я.

Ничего не отвечая, он механически принимает мой заказ, и повторяет, что сегодня, 11 сентября 2001 года, компания прерывает наш договор.

А в это время, пока сигнал ещё поступает, я вижу, что какой-то самолёт врезался в одну из башен Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке.

Вскоре эта же судьба постигла и вторую башню.

Сигнал пропадает.

Тогда я бросаюсь в свой спортклуб, где на стенах повсюду висят большие телевизоры.

На экранах – дымящиеся башни.

Самое страшное – это наблюдать, как люди, спасаясь от нестерпимого огня, прыгают с верхних этажей. Их тела, как стаи больших птиц, с тихим шелестом несутся вниз. Я всё вижу до мельчайших подробностей – оптика приближает...

О	**О**
С	**С**
Е	**Е**
Д	**Д**
А	**А**
Е	**Е**
Т	**Т**
П	**В**
Е	**Т**
Р	**О**
В	**Р**
А	**А**
Я	**Я**
Б	**Б**
А	**А**
Ш	**Ш**
Н	**Н**
Я	**Я**

– Сейчас начнётся то, что случилось у нас после начала Великой Отечественной Войны, – думаю я, – когда вся страна с песней-призывом «Вставай, страна огромная!» в едином порыве поднялась на борьбу со смертельным врагом.

Я выжидательно гляжу на зал.

Прямо под большим телеэкраном, лицом к нему, на велотренажёре сидит белокурая девушка. Она не может оторвать взгляд от... лежащего на руле журнала мод.

Слева несколько человек возмущённо предлагают... немедленно написать жалобу, т.к. вчера в сауне был недостаточно горячий пар.

Справа двое мужиков оживленно обсуждают вчерашний бейсбольный матч.

В большом зале, до отказа забитом людьми, на экраны не смотрит никто!

Более того: все исправно делают вид, что не слышат громких стонов и криков раненых, вой пожарных и полицейских машин, а также сирены машин «Скорой помощи»...

Как говорит наша соседка-мексиканка Мария Гонзалес, «Американцы не живут, а проживают в Америке!»

Желание
масс –
не трогали
чтоб:
Катись
в тартарары
любой
небоскрёб!

«Вставай, страна огромная!» – вот как будет называться этот рассказ.

***

– Мистер Борис, вам пора на анализы, – незаметно вошедшая медсестра оторвала меня от работы (а жаль! – на подходе было ещё множество сюжетов).

Пришёл техник, отладил аппаратуру, и на этот раз тесты вернули меня в сообщество нормальных людей.

Увы, у меня оказалось всего одно сердце и две почки.

Зато план моей будущей книги уже был готов.

И впервые за последние 16 лет у меня появилась ясная цель в жизни!

Что ж – одно сердце и две почки:
Но я уже дошёл до точки!

***

Так и не поставив диагноз (ситуация, абсолютно невозможная в американской медицине!), меня выписали из госпиталя.

Надо было вновь искать работу. Мне удалось устроиться в Американо-Болгарскую компанию «PC-Consult». Им нужен был программист, знающий славянские языки, и меня сразу же послали на полгода в Варну.

Варна постсоветского периода представляла собой обветшавший провинциальный город. На улицах было полно колдобин, полных грязной воды. Штукатурка осыпалась, балконы падали, фасады рушились. В самом центре города обвалившаяся стена дома убила одного прохожего...

Больно было видеть, что памятник Советским воинам-освободителям, стоящий на самом высоком холме, был превращён в... тренировочную стенку для скалолазания. Многие буквы с него были сорваны. Лестница к нему

заросла густой травой и кустами шиповника и алычи. Повсюду были видны кучи многолетнего мусора и свежеразбитых бутылок.

Пенсионеры в поношенных одеждах толпами собирались у организаций, оказывающих помощь неимущим.

Работы у меня было много, но стиль её был во многом советский: не было прессинга, стресса и стукачества. Мы работали все выходные, но их можно было суммировать и брать потом отгулами. За 2 месяца у меня набралось 16 отгулов.

Впервые за 16 лет у меня образовался такой огромный отпуск!

И я сел в автобус, идущий в Одессу.

***

На выходе из Варны шофер поставил в DVD-плеер диск с одесским юмором. Приятно было сознавать, что Одесса всё ещё держит звание столицы юмора.

На экранах, подвешенных к потолку, разыгрываются одесские «приколы».

Вот на Приморском бульваре киношники подзывают одного туриста, показывают на одиноко сидящую пожилую женщину и заговорщически объясняют:

– Это – мужчина-актёр. Он играет роль человека, сменившего свой пол. Ваша задача: подойти, дёрнуть его пару раз за парик и громко негодующе спросить: «Ты почему сменил свой пол?»

Турист, гордый от сознания того, что его снимают в кино, идёт и в точности выполняет наказ режиссера...

Женщина (а это была именно женщина), раздавленная таким безразмерным хамством, еле волоча больные ноги, с криком убегает...

***

Старушка входит в лифт, где на неё набрасывается верзила в маске.

С криками: «Спасите! Спасите!» ей удется оттолкнуть насильника и выскочить из закрывающихся дверей кабинки. По лицу её видно, что она находится в прединфарктном состоянии.

Камера приближает двери, где мелкими буквами написано: «В лифте работает маньяк».

***

Женщина средних лет вызывает лифт; створки дверей плавно раскрываются, и... перед ней открывается картина: посреди лифта стоит унитаз и

один мужик справляет там свою нужду.

Немая сцена. Наконец, собравшись с силами, она восклицает:

– Что это такое?

– Дамочка, вы что не видите: это же мужской лифт. Женский – находится за углом! – тоном благородного урки объясняет он.

***

Всё это сопровождается громким хохотом пассажиров в салоне и таким знакомым голосом ведущего за кадром. Это – капитан Одесской команды КВН «Клуб Одесских Джентельменов»!

Мы смотрим «Джентельмен-шоу»!

Какое счастье, что эти съёмки происходят в Одессе: случись это на Западе – любой (даже самый малоопытный!) адвокат нагрел бы «джентельменов» на несколько миллионов долларов за «моральный ущерб»!

Под камнепадом этих сцен
Я думал: «Что есть «джентельмен»»?

***

Моим соседом оказался старший механик Одесского Черноморского пароходства – Константин Простовский. Плавал он теперь под иностранным флагом. Их судно пришвартовалось в Варне, поэтому до Одессы он добирался на автобусе.

Разговорились. Оказалось, у этой крупнейшей пароходной компании до перестройки было 1395 судов. Сейчас осталось... – одно! Куда девались все суда – не знает никто!

По Одессе даже ходили анекдоты типа:

– Вы знаете, мой сын – начинающий адвокат, и он уже выиграл 50 судов!

– Ну и что? Мой зять – адвокат, так вот он выиграл 100 судов!

– Вы мне будете сказать: мой сын выиграл 50 судов в карты у самого начальника Черноморского пароходства!

Но судьба одного судна известна абсолютно точно.

«Индира Ганди» – была новейшим судном, спущенным на воду перед началом перестройки на Николаевских верфях. Это был 4-хпалубный теплоход, созданный для круизов и берущий на борт до 2500 человек.

Его продали китайцам на металлолом.

В последний путь морской лайнер сопровождали: капитан, помощник капитана, штурман, старший механик (мой сосед), моторист и рулевой.

Но китайцы не хотели его резать в воде: трудно доставать обрезки со дна.

При подходе к Шанхаю почти все горюче-смазочные материалы были скачаны – китайцы заботились о своей экологии. Оставшегося топлива должно было хватить только для последнего рывка!

Помощник капитана, штурман, старший механик, моторист и рулевой прыгнули в портовый катерок.

Капитан, оставшийся на судне, дал «Полный вперёд!»

Не успел катерок дойти до причала, как теплоход, подняв огромный фонтан брызг и оглушительно скрипя днищем по камням, вылетел на берег и плавно завалился на левый бок!

Мужчины рыдали, не стесняясь слёз.

Морские волки, обойдя полмира,
Не думали, что так уйдёт «Индира»...

***

– Приготовить паспорта!

Значит, кончилась Болгария.

Через пару минут:

– Приготовить паспорта!

Значит, началась Румыния.

Я вынул бутылку «Каберне» и разлил вино по пластиковым стаканчикам.

– За «Индиру»! – предложил я.

– Самый страшный удар, – делился со мной Костя, – пришёлся по пенсионерам: от голода, холода и стресса многие умерли. А тех, кто уцелел, начали планомерно добивать. Пенсии у людей были настолько малы, что они не могли платить за квартиру. Чем лучше была квартира или чем в более престижном районе она находилась, тем скорее городские власти спешили решить проблему «законным» путём. Приходили с ментами и по закону, силой выгоняли стариков на улицу. У людей оставались вклады в сберегательных кассах, которые государство заморозило. Люди, оставшиеся без крова, бросались в суды с просьбой разморозить эти вклады и снять необходимые суммы на покрытие задолженности по квартплате. Суды отказывались принимать эти иски к рассмотрению. Бомжей плодил не алкоголь – их плодило... государство. Не щадили никого – даже ветеранов войны.

***

– Приготовить паспорта!

Значит, кончилась Румыния.

Через пару минут:

– Приготовить паспорта!

Значит, началась Молдова.

Мы разлили остатки вина

– За все пропавщие суда! – торжественно произнёс Костя.

Затем стармех продолжил свой рассказ:

– Мой сын - Саша - учится в школе Столярского. Но уже сейчас он – первый саксофон в Одессе! На слух может абсолютно точно повторить любую мелодию. Детали для его саксофона я покупал у мастера в Киеве, а тот заказывал их в Париже! Одесская консерватория примет Сашу без экзаменов. Но вот беда – он не может выучить органическую химию... Я пошёл в его школу и нашёл преподавательницу по химии:

– Понимаете, мой сын не будет химиком – он музыкант от Бога.

– Молодой человек, вы же знаете: любой экзамен стоит $200...

Я с готовностью передал ей эту сумму. Пересчитав её, «химичка» рассмеялась:

– Ну теперь ваш сын знает химию лучше самого Менделеева!

В начале экзамена она обратилась к моему сыну:

– Простовский, ты свободен: у тебя «четвёрка».

– Как? Не стесняясь всего класса?!? – изумлённо спросил я.

– Да это уже давным-давно стало нормой жизни!

Шофер принёс и раздал все паспорта, кроме моего:

– Они требуют вашу визу, – объяснил он мне.

– Но ведь все страны в мире пускают американцев без виз!

– Без визы они вас не пустят...

Несмотря на глубокую ночь, весь автобус стал принимать во мне живейшее участие. Заговорили все разом: каждый вспоминал похожие истории из своей жизни или из жизни своих друзей. Но в главном все были едины: капитана, ведающего проверкой документов, надо «подмазать»! С этим наказом и отправили шофёра ещё раз к пограничникам.

Он вернулся погрустевший. Следом за ним в салон поднялся деловито-суровый капитан:

– Забирайте свои вещи и выходите, – резко приказал он.

В глазах служивого легко читалось не желание выполнить свой долг, а скрытая радость от возможности как можно чувствительнее лягнуть американца, в кои-то веки попавшего на его погранзаставу...

Весь автобус ахнул.

– Что за путешествие без приключений! – успокоил я их.

– Держись, старина, – поддержал меня Костя.

Автобус ушёл без меня...

Но не было ни капли стресса –
Я верил: впереди – Одесса!

***

Всю ночь я просидел в прокуренной каптёрке с пограничниками. Они курили, дремали, смотрели (мало что понимая) в плохоньком телевизоре молдавские и румынские программы, отвлекаясь только на досмотр очередного автобуса. Стаи голодных собак сопровождали их, умоляюще заглядывая в глаза каждому пассажиру.

Я разговорился с девушкой-пограничницей.

– Да, жизнь сейчас хуже, чем до падения СССР. Если бы моя мама не держала киоск на базаре и приусадебный участок, то мне с дочуркой, даже при моей высокой военной зарплате, не выкарабкаться.

Начинало светать.

У дороги за проволочной изгородью, вдоль длинных глубоких канав с тёмной водой, свисали плакучие ивы. Пахло сырой землёй и парным молоком.

Ровно в 9:00 появилась представительница ОВИР-а в модных очках с большим портфелем, полным разных бланков, заявлений, печатей. Поздоровавшись, она сообщила:

– Закон, разрешающий американцам въезд в Молдову без виз, будет принят только через год. Так что, вы можете либо оформить визу, либо обождать здесь один год.

Последнее, видимо, надо было воспринимать как шутку.

Я уплатил $60 и выписал визу. В другой комнате пограничники проверили мои документы и поставили штамп в паспорт.

– А что теперь?

– Идите за шлагбаум. Тут до Кагула не более пяти километров.

– ???– …

И я пошёл на восток.

Перед самым шлагбаумом слева от дороги стоял аккуратно-побеленный маленький домик. Из него вышла средних лет женщина в зимнем сером армейском бушлате и уверенным жестом остановила меня. Я с готовностью (в который раз) вытащил свой американский паспорт, но она вновь уверенным жестом остановила меня. Ничего не понимая, я спрятал паспорт обратно.

У женщины на плече работала рация:

– Тут один мушчына идэ, – сообщила она кому-то

– Та цэ ж амэрыканэць – нэхай идэ, – разрешила рация.

И она тем же уверенным жестом пропустила меня.

Я вошёл в бывший СССР.

Это был первый случай в истории, когда гражданин Америки пересекал (пусть бывшую) государственную границу СССР... пешком!

Трудно, почти невозможно, описать чувства европейца, волею судеб заброшенного в Новый Свет, и только теперь, шестнадцать лет спустя,

ступившего на родную землю. Ноги не шли – а сами несли меня.

Я шёл к Солнцу!

Несмотря на бессонную ночь и полную выкладку, я бодро шагал в сторону Кагула.

Стоял по-весеннему ясный, солнечный день. По полям вокруг задумчиво бродили важные вороны. Я им откровенно позавидовал:

Жизнь справедлива лишь для птиц:
Без виз, ОВИР-ов и границ.

Чем дальше я углублялся на территорию моей бывшей страны, тем более ясно я понимал отличие между птицами эму и «эми».

Эму водятся только в Австралии и Танзании.

Эму способны бежать со скоростью 50 км/час.

«Эми», так моя дочь уменьшительно называла эмигрантов, водятся везде, кроме тех мест, где они родились.

«Эми» способны бежать со скоростью 1000 км/час, используя самолёт.

И мы отныне были с теми,
Кого дочурка звала «эми».

***

С этими мыслями я, наконец, пришёл в Кагул, откуда я легко добрался до Одессы.

Было 9-е мая!

Вся Одесса была в цветах, флагах, транспарантах. По улицам ходили толпы. Играла музыка. На Думской площади был большой праздничный концерт, зрители танцевали прямо перед сценой.

Какой разительный контраст с Америкой! Здесь люди ходили, а не ездили по улицам, улыбались друг другу искренними, а не резиновыми улыбками, и каждый мог заговорить с каждым (по-русски!) на любую тему!

Было ощущение, что машина времени забросила меня в прошлый век, в родные 60-е!

Это было счастье!

Правда, иногда в этой машине что-то ломалось. Было видно, что конструктор создавал её при острой нехватке финансов, времени и поддержки сверху. И творческой работе явно мешали многочисленные политические проблемы.

В театре музкомедии имени М.Водяного, перед окошками касс, прямо на полу, расположилась стайка голодных, неухоженных мальчишек. Иногда, сжалившись, кассирша бросала им булку, на которую они все одновременно жадно набрасывались...

Невдалеке в мусорном баке рылись юноша и девушка.

Газеты предупреждали, что 2/3 лекарств, продающихся в аптеках (даже с надписями «Made in Germany»), – липа!

На остановке трамвая, рядом со мной на скамейку присела женщина-ветеран в белоснежном кителе. Сказать, что у неё вся грудь была в орденах – значит, ничего не сказать! Редкий мужчина мог похвастать таким «фасадом»: медали и ордена, наши и иностранные занимали каждый квадратный см её кителя, образуя длинную разноцветную кольчугу.

– Это же фашисты, – обратилась она ко мне, – вся моя военная пенсия уходит только на квартплату. А жить на что? Всё делается только для того, чтобы мы поскорее умерли...

Узнав, что я родом из Житомира, она обрадовалась:

– Как же, помню: наша дивизия брала его дважды...

– Почему?

– Первый раз мы взяли Житомир 31 декабря 1944 года. Но хитрые фрицы «забыли» на вокзальных путях цистерну со спиртом. Наши ребята хорошо отпраздновали Новый Год и уснули. В это время немцы и ворвались в город... Нам пришлось затем с большой кровью вновь отбивать его. Сколько наших солдат там полегло... Каждый год я езжу туда и возлагаю цветы на могилы моих однополчан Вы знаете, там, под Житомиром, находилась ставка Гиммлера – «Хегевальд» («Заповедный лес»). По его приказу землю рядом отвели под кладбище главарей СС, куда свозилась для захоронения только фашистская элита, погибшая на Восточном фронте. Житомиряне отреставрировали его. Теперь – это единственный в Европе благоустроенный мемориал эсэсовцам и ухоженное кладбище для главарей СС! Даже в Германии таких нет! Рядом – заброшенное, разрушенное кладбище наших солдат!

«Этот День Победы порохом пропах...» –
Ты теперь в эсэсовских крестах...

***

Через день я был в Житомире.

Ну, здравствуй, город моей юности!

Он страшно изменился, хотя все ещё был узнаваем.

Все первые этажи были заняты под магазинчики, кафе, рестораны, над входами в которые красовались изящные козырьки из кованого металла.

Пространство вокруг Центрального рынка было превращено в сплошной базар, где все всюду продавали всё.

Здесь были мои улицы, но с другими названиями.

Здесь были мои дома, но с облупленной штукатуркой или с полуобвалившейся облицовкой, фасады которых были буквально забиты рекламой «под Запад».

Здесь все говорили на моём родном языке. Говорили – но как?

Теперь мой город стал богат
На звонкий, сочный женский мат!

Мат – мужской и женский – стойко висел над его улицами!
С улиц исчезла былая интеллигентность.
Не было даже прежних предлогов:

И здесь не разобраться без вина:
Я прибыл «в» Украину или «на»?

***

В этом городе у меня не было ни родных, ни друзей, ни знакомых. Но оставались ещё родные могилы. И я пошёл на кладбище. Оно было в страшном запустении: я с большим трудом прорывался сквозь высокие заросли и густые, непролазные кусты вьюнка. Было очевидно, что через год это мне не удастся...

После этого я зашёл в синагогу.

Узнав, откуда я прибыл, толпа меня сразу же окружила, и посыпались вопросы:

– А как получить вызов?

– Мы получили вызов из Техаса. Там не очень жарко?

– Стоит ли ехать?

Даже сейчас, после 16 лет эмиграции, я был бы самым счастливым человеком в мире, если бы кто-нибудь дал мне ясный, аргументированный ответ на последний вопрос!

Моё положение было очень непростым – любой ответ был бы неверен. Как точно сказал Тютчев: «Мысль изречённая есть ложь».

В глазах людей сияла надежда – в отъезде они видели единственный выход.

Но каждая медаль имеет две стороны, и я не мог (вернее, я не имел права) процитировать им строки из песни барда Александра Городницкого «Беженцы листья»:

Снова торопит кого-то дорога,
Даль расцветив желтизною монет.
В поисках родины, в поисках Бога,
В поисках счастья, которого нет!

***

Теперь я шёл в свой дом.

Около него находился Областной архив, где писательница Мариэтта Шагинян в 1965 году раскрыла самый страшный секрет СССР – прадед Ленина,

живший в Житомирской области, был... еврей. За выдачу Государственной тайны были немедленно уволены начальник архива и главный архивариус!

А вот и клён, спасший мне жизнь!

Дело было зимой, я возвращался с ребятами из школы. Это был морозный день, поэтому «уши» на моей шапке были опущены. Но, наигравшись в снежки и разгорячившись, я решил поднять их, что и сыграло главную роль в этой истории. Сразу же стали слышнее разговоры прохожих, карканье ворон, звон трамвая на повороте.

Мы поравнялись с архивом. И вдруг я отчётливо услышал нарастающий сверху шум густой листвы.

Любой взрослый на моём месте начал бы анализировать ситуацию: абсолютно безветренный день – и шум листвы? зима, и, значит, полное отсутствие листвы, и вдруг – её шум?!?

Вместо всего этого я просто резко отпрыгнул в сторону.

И тут же на то место, где я только что стоял, с грохотом обрушилось длинное, тяжёлое бревно.

Сверху, с крыши архива, на меня смотрело бледное, застывшее от ужаса лицо плотника, не удержавшего в красных, обмороженных пальцах такой вес. В его расширенные от страха глаза вмёрз только один вопрос: «Сколько мне дадут за непредумышленное убийство?»

А рядом клён, отряхивая с себя искрящийся снежок, весело махал мне всеми своими голыми ветвями: это они затормозили падение бревна на несколько мгновений и своим шорохом предупредили меня!

Ангел-Хранитель не оставил меня и в этот раз!

Да здравствует наш Ленинский архив,
Где неизвестно как, но я остался жив!

***

Стоя под «моим» клёном, я вспоминал разные факты из моей жизни, когда спасти меня мог только случай (а точнее – мой Ангел-Хранитель!)

Первый раз мой Ангел-Хранитель появился в моей жизни, когда... меня ещё не было на этом свете.

Дело было в 1943 году. Наша семья жила в эвакуации впроголодь в Намангане, Узбекской ССР. Вероятность, что фашисты прорвутся туда была очень велика – немцы уже стояли под Сталинградом.... Ещё один ребёнок был бы огромной обузой, и моя мама решила сделать аборт, избавившись таким образом от меня. В то время в СССР аборты были запрещены, но маме удалось за немалые деньги договориться о подпольном аборте с одним узбеком-гинекологом. Когда она на следующий день пришла на операцию, он потребовал удвоенную сумму. У мамы таких денег не было...

Холод, голод, гинеколог,
И кругом война!
Так родился Борис Волок
Там, где Фергана.

***

В конце первого курса института я по уши влюбился в свою однокурсницу-итальянку. Похожая на Софи Лорен, она всегда появлялась со шлейфом лучших парней нашего факультета. Мне только оставалось молча любоваться ею издали и незаметно подкладывать ей в парту восторженные стихи типа:

Всё на свете повторимо:
Земли, Луны, моря гладь,
Но второй Джованни Риммы
Богу больше не создать!

И, о чудо: меня заметили! Мы начали каждый вечер (вернее, каждую ночь до утра) безотрывно целоваться в институтском парке! Денег на цветы не хватало: я начал «добывать» их с ближайших клумб!

С каждым днём мои стихи становились всё более самоуверенными! Один из них кончался наивной верой в то, что:

И рук горячий круг
Важней любых порук!

Однажды, сдав последний экзамен, она мне сообщила, что уезжает в интернациональный лагерь на озеро Иссык-Куль, а затем выходит замуж за известного яхтсмена из Греции...

Несколько дней я лежал пластом, а затем сорвался и решил во что бы то ни стало разыскать её на Иссык-Куле! Денег в кармане было всего 10 рублей, и я отдал их одному проводнику-алкоголику, согласившемуся доставить меня до цели.

На станции Кзыл-Орда (что по-казахски означает «Красная Армия»), он ворвался в моё купе и заплетающимся голосом приказал:

– Собаки идут! Быстро выметайся.

На его языке это означало, что появились контролёры. Он вывел меня в тамбур. Посадка уже почти кончалась: последние пассажиры поднимались в вагон со стороны вокзала. Проводник открыл противоположную дверь, выставил меня наружу, на ступеньку и со словами: «Обожди здесь»... захлопнул дверь. Я взялся за поручни. Если нарисовать вид сбоку, то я выглядел, как заглавная буква «С».

Поезд медленно тронулся. Ещё можно было спрыгнуть. Но в вагоне

оставались мои вещи и документы. И всё это выглядело так романтично: тёплый вечер, слабый ветерок и дикая, бескрайняя степь с редчайшими вкраплениями юрт и верблюдами около них.

Поезд шёл уже на всех парах.

Голодный горизонт быстро резал вишневый пирог Солнца на тонкие ломти и, радостно смакуя, аппетитно поедал их. Быстро наступила южная ночь. Можно было бы сказать, что наступила абсолютная темнота. Но это было не так: тысячи ярких звёзд высыпали на небосвод, поглядеть на поезд и на какого-то чудака, едущего снаружи его.

Вдруг впереди показался слабый огонёк. Он постепенно рос, и тут я догадался – это шёл встречный поезд. Как назло, я висел на стороне вагона, обращённой в межпутье. Могучая волна густого горячего воздуха чуть не сорвала меня с моей подножки. Это был товарняк. Казалось, конца не будет цистернам, грузовым вагонам, платформам с углём и с техникой, с диким грохотом, с бешеной скоростью проносившимся за моей спиной.

Понимая, что пьяный проводник сейчас «гудит» с товарищами и давно забыл обо мне, я из последних сил цеплялся за поручни, вжимаясь грудью в стекло двери вагона. Теперь я напоминал открывающую скобку – «(».

В это время из соседнего вагона в тамбур зашла проводница. Увидев, что происходит, она ахнула, быстро открыла дверь и втащила меня в вагон.

Гори-гори, моя звезда,
Где славный город – Кзыл-Орда!

***

Наш взвод проводил учебные стрельбы.

Ребята лежали на огневом рубеже, и каждый из них получил по 5 патронов. Обладая отличным зрением, я отстрелялся раньше, чем они успели второй раз нажать на курок. Забыв обо всём, я бросился к мишени, чтобы подсчитать свои очки!

Многоэтажный мат нашего старшины нагнал меня на полпути и заставил оглянуться. Я увидел ребят, целящихся в меня, и малиново-красное лицо старшины. Он продолжал гневно надстраивать этажи своей постройки, там, где это, казалось, было уже абсолютно невозможно.

Обернувшись к старшине, ребята начали прислушиваться к тому, как идёт это строительство. Позднее мой друг рассказал, что неожиданно в прорезь его прицела вползли сапоги, затем ноги, а потом и туловище какого-то сумасшедшего солдатика, решившего прогуляться по стрельбищу...

Если бы не старшина,
Моей жизни грош цена!

***

Меня послали в командировку в Ереван.

Я остановился в гостинице в центре города. Окна моего номера выходили на Арарат. Жаль, что он был в Турции. Хотелось добраться как можно ближе к его подножию. На карте Армении село Маркара было ближайшей к нему точкой. До него было всего 60 км. В ближайший выходной я без особых трудностей нашёл автовокзал и купил билет на нужный автобус. Около передней двери, у прохода было только одно свободное место, которое я и занял. У окна, рядом со мной сидела молодая румяная девушка-армянка с большими сверкающими глазами и с огромной копной чёрных вьющихся волос. Она была так красива, что я боялся с ней заговорить.

Мы проехали Эчмиадзин – город, где находятся главные святыни Армении. Там же проводил службы Католикос Всех Армян – Вазген I. «Надо будет обязательно туда вернуться», – решил я.

Автобусы в Маркару шли нечасто, в салоне было не продохнуть. На очередной остановке, в Варданашене, один мужик с боем прорвался через переднюю дверь. При этом он плечом задел парня, стоявшего около меня. Тот выказал своё неудовольствие. Вошедший фыркнул и отмахнулся от него. Я ни слова не понимал по-армянски, но в этом спектакле двух актёров в театре на колёсах всё было ясно без слов. Настоящий горец – обид не прощает: через пару минут ожесточённой перепалки обиженный парень... выхватил пистолет ТТ и направил на вновь вошедшего.

Все замерли.

И тут моя прекрасная соседка вскочила, перегнулась через меня и с громкими криками: «Че! Че!» («Нет! Нет!») смело вцепилась двумя руками в руку, державшую пистолет, и попыталась рывком опустить её вниз. Парень в гневе был силён, но, к счастью, девушке всё же удалось немного отжать его руку к полу.

Теперь успех был налицо –
ТТ смотрел... в моё лицо!

Но не мог же горный орёл позволить какой-то там, понимаешь, женщине владеть ситуацией. Парень стал отчаянно вырываться. Силы двух рук девушки и одной правой руки парня оказались равны – теперь дуло пистолета плясало в нескольких сантиметрах от моего лба!

В это время водитель-кавказец лихо гнал наш маленький автобус. Людей бросало из стороны в сторону. Шансы случайного спуска курка росли с каждой секундой.

Нет, вся моя жизнь не пронеслась перед моим взором.

Нет, я не понял, в чём заключался её смысл и был ли он вообще.

Но я узнал цену моей жизни – она была равна стоимости автобусного билета Ереван – Маркара!

И глядя в пистолет ТТ,
Я думал о мирской тщете.

***

Где ты теперь, мой Ангел-Хранитель?

Напротив архива находился храм, который построила бригада, до этого воздвигшая Исаакиевский Собор в Санкт-Петербурге.

Я зашёл в него и присел на скамью.

За короткое время на меня обрушились «килотонны» негативной информации об Украине... На их фоне были почти незаметны такие огромные достижения, как свобода слова и свобода передвижения. Так планеты-гиганты теряются в бездонных глубинах нашей Вселенной.

Несмотря на это, я понимал, что мне никогда не будет дано разлюбить эту землю, этот народ, эту природу.

Началась служба. Я заслушался пением женского хора.

И тут, как всегда, неожиданно «пришёл Блок».

Ну наконец-то: вот он и настал – мой звёздный час!

На этот раз, выражаясь шахматным языком, я имел огромное позиционное преимущество! Нашу многолетнюю партию я уверенно выигрывал!

Но вдруг какое-то ещё неясное чувство лёгкой тревоги охватило меня.

Я вспомнил – подобное чувство возникало у меня в Америке, когда полицейский вертолёт поздним вечером начинал низко барражировать над нашим районом в поисках преступника. Тонкий луч методично высвечивал каждую улицу, каждый двор, каждый куст, и, когда он касался меня, я понимал, что попадаю в раструб мощной бортовой оптики. Сердце тоскливо сжималось оттого, что наравне с преступником я автоматически переносился в разряд подозреваемых.

Так было и на этот раз: я ещё не совершил никакого преступления перед совестью, но желание остаться на родной земле делало меня потенциальным предателем по отношению к самым близким мне людям, ждущим меня в Штатах.

Мой многолетний, изнурительный и бескомпромиссный спор с Блоком неожиданно кончился.

Я сдался.

И теперь, не встречая с моей стороны никакого сопротивления, под аккомпанемент прекрасного женского пения высоко под сводами Житомирского Спасо-Преображенского Кафедрального Собора пророчески звучал Блок:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.
Так пел её голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.
И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь для себя обрели.
И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придёт назад.
Одесса – Лос-Анджелес 2008-2010